

The background of the entire image is a photograph of the bronze statue of Ivan the Terrible and his son Ivan Ivanovich in Red Square, Moscow. The statue depicts Ivan the Terrible standing on the left, holding a sword over his son, who is seated on the right, holding a shield. In the background, the colorful, onion-domed architecture of St. Basil's Cathedral is visible.

Райский В.И.

Смута

Русская народная драма
Исторический роман в стихах

12+

Всеволод Райский

Смута

«Автор»

2019

Райский В. И.

Смута / В. И. Райский — «Автор», 2019

Роман повествует о событиях, происходивших на Руси в начале 17 века. Тогда Отрепьев Юрий слуга бояр Романовых, за Дмитрия царевича себя стал выдавать, потом в монахи он подстригся, ну и когда в Литву сбежал то в авантюру Сигизмунда Третьего сумел втянуть. Так Смута жуткая в России началась, в итоге он сумел царём Московским стать ...

© Райский В. И., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава I «Разгром Романовых»	7
Глава II «Побег»	14
Глава III «Царевич Дмитрий»	26
Часть I	26
Часть II	51
Часть III	74
Глава IV «Царь Лжедмитрий»	99
Часть I	100
Часть II	115
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Всеволод Райский

Смута

«Смута»

Роман в стихах

Всеволод Райский

Вступление

Люблю гулять я по столице,
Когда вечернею порой,
Снег над моею головой,
Большими хлопьями кружится,
И тихо на асфальт ложится,
Ковёр широкий пуховой.

Ногами на него ступая,
Я с добрым чувством провожаю,
Весёлых шустрых москвичей,
Домой спешащих поскорей.

Или за девушкой молодой,
Украдкой молча, наблюдаю,
И неожиданно вздыхаю,
Её, любуясь красотой.

И так до полночи глубокой,
Один по улицам брожу,
И повернув за дом высокий,
На площадь Пушкина спешу,

И к гению российской лиры,
Сняв шапку молча, подхожу,
И долго на него гляжу,
Любуясь собственным кумиром.

И низко в пояс поклонившись,
До скорой встречи с ним простившись,
Иду к Кремлю по улице Тверской,
Любуясь зимнею Москвой.

И так гуляя ночью по дороге снежной,
Решил я двух героев наших навестить,
А чтобы им внимание уделить,
Пройдя по площади Манежной.

По Красной площади, я к храму Покрова спешу,
Ну и когда волнение в себе одолеваю,
К Пожарскому и Минину я робко подхожу,
И перед ними голову свою склоняю.

Уж двести лет им этот памятник в Москве стоит,
И подвиг их народный прославляет,
Но память им свою Россия благодарная хранит,
Да их победу славную не забывает.

И о героях наших я решил подробно всё узнать,
И разобраться в той войне гражданской пожелал,
Да Смуту дьявольскую на Руси я захотел понять,
И вот что о трагедии народной я узнал.

«Димитрий (гордо).
Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила,
И в жертву мне Бориса отдала».

Александр Сергеевич Пушкин.
Трагедия Борис Годунов

Глава I «Разгром Романовых»

Стоял тысяча шестисотый год от Рождества Христова.
И третий год правления царя Бориса Годунова

За горизонт уж солнце западало,
Прощаясь, нежно освещало,
Зубцы Московского Кремля,
Когда вечерняя заря,

Златыми искрами играла,
В глазах веселых москвичей,
И постепенно угасала,
В крестах бесчисленных церквей.

В такую милую погоду,
Когда все улицы заполнены народом,
В домишке, маленьком, уютном,
Стоявшем, на окраине Москвы,
Василий Шуйский в настроении угрюмом,
Ждал встречи с Митькой Верховым,

Он на подворье у Черкасского Бориса с малолетства жил
И князь ему во всём, как верному холопу доверял,
Ну и когда он тайно к Шуйскому на встречу приходил,
То всё за денежки Василию подробно сообщал.

И вот в назначенное время,
Послышался условный стук Матвея.
Князь приподнял запор тяжелый,
Матвея в комнату впустил,
И усадив за стол дубовый,
Суровым голосом спросил:

«Ну как сегодня ты дошёл,
Гостей, не званных, не привёл?»,
На что ему Матвей ответил:
«Не ласково меня ты нынче встретил,

Боярских сыщиков ты можешь не бояться.
От них легко в народе затеряться,
Ну а теперь давай о деле,
О том, что я на днях узнал.

К Черкасскому на той неделе,
Романов Федор приезжал,
И хоть закрылись в комнате они,

Я весь их разговор слыхал.
И вот наедине, какую тайну,
Сумел родному зятю Фёдор рассказать:
«Когда царь тяжело занемог,
От слуг своих Романов смог узнать.

Что слухи кто-то распускал,
О том, что жив царевич Дмитрий,
Не он был в Угличе убитый,
В тот день, когда народ восстал,
Что Дмитрий с преданным слугою,
Из города тайком бежал.

Тогда решил я сам узнать,
Кто эти слухи мог распространять.

И ровно через месяц вскоре,
Я с другом детства повстречался,
И он в случайном разговоре,
Мне по секрету проболтался,

Что жив сын Грозного Димитрий,
Не он был в Угличе убитый,
В тот день, когда народ восстал,
Что Дмитрий с преданным слугою,
Из города тайком бежал.

И далее мне начал утверждать,
Что сам «царевича» прекрасно знает,
При этом начал меня страстно убеждать,
Что тайну эту их, он ото всех скрывает.

Здесь я отменно постарался,
Его скорее убедить,
Меня в их тайну посвятить,
И вот когда ему поклялся,

Их тайну вечно сохранять,
При этом стать немым как рыба,
Чтоб не смогла бы даже дыба,
Язык железом развязать,

Он поселил в меня надежду
И познакомить обещал,
И посоветовавшись прежде,
Он обещание сдержал.

Когда я увидал прохвоста,
То сразу же его сумел узнать,

Мне часто приходилось у Романовых бывать,
И с ним всегда общался очень просто.

Отрепьев Юшка его имя.
Он думает, придёт черёд,
Когда наступит его время,
То весь народ за ним пойдёт.

Он парень, в общем, неприглядный,
Две бородавки на лице,
Весь, рыжий и какой – то наглый,
Хотя лет девятнадцать наглецу,
Уж очень хитрый, скрытный и отвратный,
И так уверен он в себе, что говорить с ним даже неприятно.

Вот всё что я хотел тебе сказать».
Василий встал, по комнате прошёлся,
И прежде чем наказ Матвею дать,
Задумался над тем, что надо делать,
И что необходимо предпринять.

Он начал быстро вспоминать,
Какая битва разразилась,
По смерти Фёдора-царя,
Когда над троном засияла единовластная заря.

В бою жестоком, страшном и упорном,
Сошлись все претенденты на престол.
Романов Фёдор с Годуновым,
За трон вели свой страстный спор.

Своей дорогой Бельский шёл,
Не представляя силы, никакой,
Он в бой за трон умело ввёл,
Всю челядь шумную с собой.

Мстиславский, не желая быть избитым,
Покинул с миром поле битвы.

В Боярской думе было не спокойно,
Борьба шла яростно и напряжённо.
Что только мог Романов предпринял,
В убийстве Дмитрия он Годунова обвинял,

А заодно, убийство Фёдора и дочери его,
Ему открыто он же приписал.
И так от ярости однажды распалился,
Что сам с ножом на Годунова устремился.

И хоть Борис сумел царём Московским стать,
Пробив на трон себе дорогу,
Он должен был всегда осознавать,
Что все его соперники желают, трон царский у него отнять,
И это вызывало в нём тревогу.

Царь никому не доверял,
И лишь момента выжидал,
Чтоб претендентов разогнать,
да мирно Русью управлять.

Неплохо Шуйский это знал,
Он тоже о венце мечтал.
Но на пути его стояли,
Два претендента на Московский трон,
С которыми, вести бой должен он,
И всем мечтам его исполниться мешали.

Но в бой, открыто не вступая,
Итог, борьбы тихонько выжидая,
Он ничего из вида не терял,
И в сей, борьбе предполагал,

Что царь Романова с дороги уберёт,
Тогда он с Годуновым осторожно,
За трон Московский бой начнёт.
Затем продумав всё что можно,

К Матвею тихо обратился:
«Ты с Юшкой ближе бы сдружился,
Когда царь на Романовых озлится,
Ты приведёшь Отрепьева сюда,
И разузнаешь у него тогда,
Где думает от смерти он укрыться».

И Верховому серебро вручив,
На дело тайное благословив,
Матвея Шуйский проводил,
И тихо дверь за ним закрыл.

И в тот же год второго ноября,
Из стен Московского кремля,
Стрельцы обычными рядами,
С пищальями и бердышами,
Надевши шапки свои лихо,
Глубокой ночью вышли тихою.

И освещая факелами путь,
Боясь московских жителей спугнуть,

Отправились как осторожный вор,
К боярину Романову на двор.

И только с домом поравнялись,
Как хищник дикий и коварный,
Под крик пальбу и свист кошмарный,
На двор боярина ворвались.

На следующий день после погрома,
Василий Шуйский у окна стоял
И осторожно наблюдал,
За улицей, что проходила возле дома.

Вдруг скрип негромкий в комнате раздался,
Василий взор на звук сей устремил,
В дверях монах уставший показался,
И Шуйскому с ухмылкой проронил:

«Пришёл к тебе раб верный твой,
Матвей по роду Верховой».
Князь живо к гостю подскочил,
И с долгожданным не терпением,

С неровным, сильным возбуждением,
Дрожащим голосом спросил:
«Ну что с Отрепьевым он жив ли,
Я думал, вы уже погибли».

Матвей небрежно рясу снял
И отдышавшись, продолжал:
«Вчера, когда ты мне сказал,
Что царь готовит, сей погром,
Отрепьева привёл я в тайный дом,
И там ему об этом рассказал.

Тогда он мне секрет открыл,
Что будто бы уже решил,
В Железноборский монастырь идти,
Под именем Григория в монахи,
И жизнь свою в обители спасти,
От гнева царского и плахи.

Наутро мы одели рясы,
Тихонько за город пробрались.
Я там отдал ему припасы,
И мы до встречи распрощались».

Василий Шуйский с кресла встал.
Яд незаметно с полки взял,

И бросив весь в бокал большой,
Сказал, наливши мёд хмельной:

«Я знаю, ты всю ночь не спал,
И хоть ты как шатун устал,
Под утро должен ты бежать,
На выпей и ложись-ка спать».
И протянув ему бокал,
За дверью в темноте пропал.
Царь был жесток в своей расправе.
Он, несомненно, полагал,
Что Фёдор слухи распускал,
А посему считал не вправе,

Романовых у трона оставлять,
И после низменных доносов,
Кошмарных пыток и допросов,
Их повелел всех разогнать.

Как бунтовщик и возмутитель,
Боярин Фёдор был отправлен,
В Антониево-Сийскую обитель,
И там подстрижен и оставлен,
На попечение царского агента,
Под именем монаха Филарета.

У Александра царь велел,
«Волшебный» корешок найти,
Которым яко бы хотел,
Он царский род весь извести.

Когда же корешок нашли
И Александра допросили,
То в колдовстве злом обвинили,
И к Годунову отвели.

За что брат Филарета вскоре,
В Усолье-Луду был направлен,
И там прожив лишь год в неволе,
В подвале каменном удавлен.

Василий, сосланный в Пелым,
В темнице там наедине,
Прикованный как раб к стене,
Скончался, будучи больным.

Иван в Пелыме тоже оказался,
Но Годуновым был прощён,
Когда тяжёлой смерти дожидался,

И вновь в столицу возвращён.

А Михаил, отправленный в Ныроб,
После страданий мук голодных,
Ночей бессонных и холодных,
Навечно лёг в дубовый гроб,

Романовых царь разорив,
Забрать именья приказал,
И родственников их допросив,
Всех по России разогнал.

Черкасского он не пытал,
Признаний слёз не добивался,
А в Белоозеро сослал,
Где узник через год скончался.

Тень Дмитрия, решив искоренить,
Чтоб слухов не было кошмарных,
Царь приказал, немедля изловить,
Всю дворню у бояр опальных,

И каждого на месте допросив,
Казнить, в столицу сообщив.

Глава II «Побег»

В монашеской забытой мором келье,
Тоскливой жизнь Григория была,
От служб церковных и смиренья,
Унылой монотонностью текла.

Однажды он за книгою сидел,
Когда дверь тихо заскрипела,
В дверях Григорий разглядел,
Монаха с бородою белой.

Монах к Григорию подсел
И тихим голосом сказал:
«Ты научиться бы хотел,
Писать каноны? Я слыхал».

И получив ответ желанный,
Духовный старец продолжал:
«Давно юнец мой долгожданный.
Тебя я по обителям искал.

Ведь грамотных монахов молодых,
Желающих служить душою Богу,
В монастырях сейчас не много,
За то полно убогих, пожилых.

Для этого друг юный мой,
Сегодня мы уйти должны,
В Ефремьев монастырь с тобой,
Где проживёшь ты до весны.

А по весне если захочешь,
Обитель по душе найти,
Уйти в любое время сможешь,
Стоять не буду на пути».

В Ефремове Григорий восхищая,
Учителя умением своим,
И знаниями большими поражая,
Умом всех удивлял живым.

С вечерней шли они однажды.
Григорий старца в келью вёл,
Когда окликнув, кто-то дважды,
К ним торопливо подошёл.

То протопоп Еуфимий был,
Его не плохо старец знал,
Сейчас в столице он служил,
И дальний путь туда держал.

С монахами он поклонился,
Их о здоровье расспросив,
За ними следом устремился,
О новостях заговорив.

Когда же в келью все вошли,
И грудь свою перекрестили,
Монахи гостя усадили,
Да с ним беседу завели.

За разговором гость узнал,
Что, в Чудовом монастыре кремлёвском,
Где он недавно пировал,
На царском празднике московском,

Дед у Григория служил.
А настоятелем там был,
Пафнотий добрый прорицатель,
Его давно Еуфимий знал.
Архимандрита как приятель,
Он очень часто навещал.

Закончив мирную беседу,
Гость у Григория спросил:
«Уйти ты не желаешь к деду,
В столице у него бы жил?»

От радости Григорий встал,
И с возбуждением сказал:

«Мальчонкой я ещё мечтал,
Святому Господу служить,
И вместе с дедом бы желал,
Жизнь церкви нашей посвятить.

Но странная судьбы дорога,
Нас разлучила на года,
И не по доброй воле Бога,
Меня забросила сюда.

Я посему хочу просить,
Помочь мне рядом с дедом быть,
За хлопоты всю жизнь я буду,
Обоих вас благодарить».

Подумав, протопоп не много,
Неторопливо отвечал:
«Ты жил без деда очень долго,
Годами по нему скучал,

И чтоб ты боле не страдал,
Я по прибытии в Москву,
Исполниться твоим мечтам,
Без промедленья помогу».

За тем Еуфимий с лавки встал,
Двумя перстами помолился,
Монахам здравья пожелал,
И на прощанье поклонился.

И дверь рукою приоткрыв,
Ушёл, оставив их одних.

И после разговора в келье,
Григорий через три недели,
Жил в Чудовом монастыре,
Что в Белокаменном Кремле.

Под вечер в комнате своей,
Пафнотий Господу молился,
Когда к нему под треск свечей,
Монах вошедший обратился:

«Василь Иваныч Шуйский к вам,
Прийти изволил по делам».

Архимандрит с коленей встал,
Платком снял пот со лба и шее,
И гостя знатного скорее,
Позвать монаху приказал.

Князь тихо в комнату вошёл,
Святым иконам помолился,
Архимандриту поклонился
И первый разговор завёл:

«Поклон тебе от Иоанна,
Родного брата моего,
Да протопопы Епифана,
Большого друга твоего».

При сих словах князь кубок взял,
И пригубив, чуть продолжал:

«Вчера к тебе я заходил,
И от монаха Никонора,
Узнал, что ты на службе был,
В Великокняжеском соборе.

Тогда я навестить решил,
Забывтый холмик Епимаха,
Но встретив грустного монаха,
Бродившего среди могил,

О жизни с ним разговорился,
Он о себе мне рассказал,
Как в детстве грамоте учился,
Да в Чудов монастырь попал,

Что мысль одна его тревожит,
Бойтся дела не найти,
И если дед помочь не сможет,
То будет вынужден уйти.

Григорием монаха звать,
Ему б задание ты дал,
Чтоб грамотность его узнать,
Да и в письме бы испытал».

И кубок залпом осушив,
Князь захмелев, развеселился,
И новости все обсудив,
До скорой встречи распростился.

В церквях заутреню служили,
Когда со всей Москвы съезжаясь,
В Кремле на думу собираясь,
Бояре с важностью входили,
В палаты царские надменно,
И всем, раскланявшись степенно,

На место величаво шли,
На длинный посох опираясь
И Годунова дожидаясь,
Беседу мирную вели.

Но вот Василий Шуйский появился,
Он всем боярам здравье пожелал,
За тем монахам молча, поклонился,
Когда же в свите патриарха увидал.

Стоявшего с митрополитом,

Пафнотия архимандрита,

К монахам тихо, подошёл,
Почтенно, робко извинился,
Лукавым взором их обвёл,
И к патриарху мило обратился:

«Как здоровье твое святейший?»
Подумав, Иов отвечал:
«Да так себе мой друг светлейший.
Почти весь мясоед хворал,

Да, слава Богу, Даниил,
Травой лечебной исцелил»
Князь головою покачал,
Лекарства выпить предложил,

Здоровья старцу пожелал,
И настоятеля спросил:
«Ну, как в обители твоей,
Монах Григорий поживает?
Бывает ли среди друзей,
Иль в кельи как всегда скучает?»

На что ему архимандрит ответил:
«Когда ты от меня ушёл,
Григория я в храме встретил,
И сразу же его к себе привёл,

А на другой день поутру,
Ему задание я дал,
Чтоб похвалу он написал,
Святым Ионе и Петру.

С заданием он справился прекрасно,
Пожалуй, в нем себя он превзошёл,
Написано толково, чётко, ясно,
За это в дьяконы его я произвёл».

В их разговор вмешался патриарх:
«Мне нужен грамотный монах.
Ты нынче же ко мне придёшь
И дьякона с собою приведёшь».

В ответ Пафнотий поклонился,
На патриарха покосился,
За тем на князя посмотрел,
Но князь на месте уж сидел.

С тех пор по воле патриарха,
Григорий у него служил,
Святейший, полюбил монаха,
И высоко так оценил,

Что для пророка Аввакума,
Писать каноны доверял,
И первый раз с собою в думу,
В составе свиты своей взял.

Григорий с робостью смиренной,
В палату царскую вошёл,
И поклонившись всем почтенно,
Спокойным взглядом зал обвёл.

Вдруг сердце бешено забилося,
В ушах раздался странный звон,
По венам жарко кровь разлилась,
Монах увидел царский трон.

Казалось, он оцепенел
Приятным блеском ослеплённый,
И так от счастья захмелел,
Его красой заворожённый,

Что закружилась голова,
Но лишь придя в себя едва,

На трон опять глаза поднял,
И весь от злобы побелел.
На троне царь Борис сидел.
Григорий с силой руки сжал,
И еле слышно прошептал:

«Ну, подожди же царь коварный,
В один из дней твоих кошмарных,
Я «Дмитрием» сюда войду,
И если здесь тебя найду,

То царской волею моей,
Ты гордый государь всесильный,
Под скорбный плач своих детей,
Накроешься плитой могильной».

Монах был троном так пленён,
И столь Борисом возмущён,
Что в дикой злобе не видал,
Когда царь с рындами своими,
Двумя юнцами удалыми,

Бояр и думу покидал.

С тех пор он потерял покой,
Ночами долгими мечтал,
Сесть на Московский трон златой,
И лишь под утро засыпал.

Когда ж монах его будил,
Вставал с распухшей головой,
И молча, в церковь уходил,
Шатаясь, как старик больной.

Там, как положено, молился,
С попом обычно службу вёл,
Когда ж народ весь расходился,
В палаты патриарха шёл.

Однажды из Боярской думы
Он вышел вместе с патриархом
И увидав вдали угрюмых,
Знакомых чудовских монахов,

Перед святейшим извинился,
К монахам быстро подошёл,
Почтенно всем им поклонился,
И с ними разговор завёл.

Вдруг Павел всех их перебил:
«Отцы Варлам и Мисаил,
Христово Сретение сегодня,
И если б в праздник мы Господний,
Григория не пригласили,
То мы б невежами прослыли.

Я вижу в том наш верный долг,
Чтоб дьякона нам пригласить,
Ведь то вино что дал нам Бог,
Должно вполне на всех хватить».

С ним слуги Бога согласились,
Собору вместе поклонились,
За тем беседу завели,
И в Чудов не спеша, пошли.

Когда же в монастырь пришли,
И гостя в келью привели,

То отыскав кувшин вина,
Усердно стали его пить,

И осушив кувшин до дна,
Стал Павел дьякона хвалить:

«Ведь надо же себе представить,
Всего лишь за год из монаха,
Он стал придворным патриарха.
Ещё бы я хотел добавить,
Не малый надо ум иметь,
Чтоб так на службе преуспеть».

Вдруг Мисаил засуетился,
И робко к гостю обратился:
«Ты мог бы с нами поделиться,
как смог ты славы сей добиться».

Григорий, осушив бокал,
Монахам с гордостью сказал:
«Умом я славы сей добился»
За тем лениво с лавки встал,
И с гордым видом продолжал:

«Когда в монахи я подстригся,
В Ефремьевом монастыре,
Ко мне однажды на заре,
Монах как лунь седой явился.
Со мною разговор завёл,
И так мне сразу полюбился,
Что я с ним в тот же день ушёл.

С тех пор я у монаха жил,
И вот однажды навестил,
Нас в келье протопоп Еуфимий,
С ним вместе служит поп Василий.

Он с нами долго говорил,
Тогда ж его я попросил,
В столице монастырь найти,
В который мог бы я уйти.

Пообещав помочь мне в деле,
Он поспешил в Москву отбыть
И ровно через три недели,
Я прибыл в Чудов монастырь служить.

Вот так я к вам сюда попал.
Однажды в церкви я стоял,
Когда меня Пафнутий там заметив,
Со мною вдруг заговорил,
И грамотность мою приметив,

Мне труд нелёгкий предложил.

Но вскоре дело я смог завершить
И настоятелю отдать,
Он высоко сумел мою работу оценить
И сразу же решил сан дьякона мне дать.

Когда ж он труд мой прочитал,
То был настолько поражён,
И так моим талантом восхищён,
Что вскоре патриарху отослал.

Меня святейший полюбил
И высоко так оценил,
Что стал мне тайны доверять,
И вверх на думу с собой брать.

Ему я часто помогаю,
С ним важные дела решаю,
Умом всех привожу в восторг,
Но знает только один Бог,

Что я сын Грозного – Дмитрий,
Не я был в Угличе убитый,
В тот день, когда народ восстал.
Я раньше с преданным слугою,
Из города тайком бежал»

Монахи так и обомлели.
Когда ж немного осмелели,
С улыбкой робкой Мисаил,
Григория переспросил:

«Сказал ты правду без обмана,
Что ты сын Грозного Ивана?»

В ответ Григорий заявил:
«Я Дмитрием с рожденья был»
Монахи снова удивились,
Поверив, Гришке извинились,

И начали его хвалить,
Да Годунова поносить.
Один лишь Павел покосился,
Встал, перед всеми извинился,

Да вышел вроде по делам.
Смекнув, в чём дело Варлаам,
Григория стал умять:

«Отсюда надо нам бежать.

Нельзя царевич нам здесь быть,
Пошёл ведь Павел доносить.

Я не хочу, чтоб ты Димитрий,
Лежал в снегу плетью забитый,
Да нас невинных заберут,
Допросят, а потом прибьют».

Монахи сразу отрезвели.
Поняв, что могут их забрать,
Тулупы быстренько одели
И вместе бросились бежать.

И возле Фроловских ворот,
В ужасном страхе увидали,
Что в монастырь стрельцы бежали,
Распугивая весь народ.

Монахи башню проскочили,
Как должно грудь перекрестили,
Дорогу нужную нашли,
И к Сретенским вратам пошли.

Когда ворота миновали,
Почувствовали что устали,
На снег присели отдохнуть,
Обдумывая дальний путь.

Недолго сей вопрос, решали,
Поняв, что некуда идти,
Надумали ночлег найти,
И по дороге зашагали.

До ближнего села добрались,
В домишко чей-то постучались,
Хозяин дверь гостям открыл,
И всех их в дом свой проводил.

Монахи у двери разделись,
За стол на лавочке уселись,
И вместе начали просить,
Гостей не званных накормить.

Хозяин дома удивился,
Главою молча, покачал.
На печь пустую покосился
И глубоко вздохнув, сказал:

«Да что вы гости дорогие,
Глухие вы или слепые.
Не знаете, что люд страдает,
Бояре досыта лишь жрут,
Жестокий голод Русь терзает,
Как мухи нынче люди мрут.

Я сам двоих похоронил,
Мальца и дочку потерял.
И чем я Бога прогневил?
За что моих детей забрал?»

От этих слов все приуныли,
Хозяин тоже замолчал,
И обратившись к Мисаилу,
Варлам задумавшись, сказал:

«А ведь в монастыре не знают,
Что люд простой наш голодает».

Главою старец покачал,
И грустным голосом сказал:
«Ну что ж голодными видать,
Уляжемся мы нынче спать».

Монахи с лавки тихо встали,
Свои тулупы разослали,
Иконе трижды помолились,
И на полу спать завалились.

До утренней зори проспали.
Когда же домочадцы встали,
Хозяин дома их поднял,
И посмотрев на дверь, сказал:

«Стрельцы монахов трёх схватили,
И всех их в заговоре обвинили».

Монахи так и обомлели.
Когда ж пришли в себя, присели,
И вместе начали решать,
Как быть и что им предпринять.

Все варианты обсудили,
И прежде чем уйти, решили,
Что больше нечего терять,
Осталось лишь в Литву бежать.

Перед уходом извинились,
Со всеми в доме распростились.
Дорогу нужную нашли,
И не спеша, по ней пошли.

И обойдя кругом Москву,
Направились пешком в Литву.

Глава III «Царевич Дмитрий»

Часть I

В подвале каменном, сыром,
Накрытый стареньким тряпьем,
Слуга магната умирал,
Казалось, он едва дышал,

Что смерть его вот-вот настигнет,
И мир земной душа покинет.
Но он за жизнь свою сражался,
И за неё, как мог, цеплялся.

Но вскоре в бред опять впадал,
И что-то тихо бормотал,
Царей московских поминая,
Бояр неистово ругая,
Во всех грехах их обвинял,
И в не сознании умолкал.

И через муки все пройдя,
Болезни тяжкой и суровой,
Однажды он, в себя придя,
Через туман в глазах свинцовый,

Увидел друга своего,
Когда он Господу молился.
Больной, решив прервать его,
К нему негромко обратился:

«Пока я жив мой верный друг,
Хочу тебе всё рассказать,
Что, если я скончаюсь вдруг,
Ты будешь мою тайну знать.

Я сын царя Ивана Дмитрий,
Не я был в Угличе убитый,
В тот день, когда народ восстал,
Я вместе с преданным слугою,
Из города тайком бежал.

Хочу, чтоб миру сообщили,
Что, «цесаревичем» был я,
И что б меня похоронили,
Как сына русского царя».

Приятель так и обомлел,
И так бедняга растерялся,
Что на мгновение онемел,
Но вскоре с мыслями собрался,

Скорей с Отрепьевым простился,
Да из подвала удалился,
Решив хозяина найти,
И всё немедля донести.

Когда же в парке отыскал,
Он Вишневецкого Адама,
Ему подробно всё сказал,
Назвав слугу паршивым хамом.

Князь, выслушав его спокойно,
Сурово приказал молчать,
Дабы ни кто из слуг невольно,
Не смог чего-нибудь узнать:

«Ну а пока пускай «болеет»,
Но только слишком не наглет,
А то внимание привлечёт
И дело разом пропадёт».

Князь ни чему не удивился,
Он об Отрепьеве всё знал,
Когда же новость услышал,
То в парк подальше удалился,

Чтоб подавить в себе тревогу,
Там несколько минут провёл,
И после, выйдя на дорогу,
В свой особняк к себе пошёл.

Князь никогда не торопился,
И всё до мелочей решал,
Когда же суть всю распознал,
В подвал к Отрепьеву спустился.

И сразу разговор завёл:
«Вот что хочу тебе сказать,
Любитель ты с огнём играть,
Но раз ко мне ты сам пришёл,

То должен ясно понимать,
Что если что-нибудь соврёшь,
Иль чепуху мне понесёшь,

Тебе дружок несдобровать.

Ко мне пришел ты не случайно,
Ведь царь Иван родня моя,
И для тебя не будет тайной,
Что наша царская семья,

Ивана Грозного усердьем,
И силы веры православной,
А также Божьим милосердием,
Царям Европы стала равной.

Я Годунова презираю,
Цареубийцу ненавижу,
Ему напастей всех желаю,
И скорый крах его предвижу.

Я знаю, ты меня искал,
И слава Богу что нашёл,
Я о тебе всё разузнал,
Тебя ко мне сам рок привёл.

Ты у Романовых служил,
Мне всё монахи рассказали,
Те самые, что из Москвы с тобой бежали,
я их недавно допросил.

Когда Борис, Романовых сослал,
Ты чтоб от сыщиков укрыться,
В какой-то монастырь бежал,
Решив, в монахи там постричься.

Но вскоре шум вокруг унялся,
Ты в Чудов как-то перебрался,
Там в свите патриарха был,
И даже в думу с ним ходил.

Однажды сыщики узнали,
Что ты «Димитрием» назвался,
Ты понял, что перестарался,
И вы тогда в Литву бежали.

Когда до Киева добрались,
В Печёрский монастырь пробрались,
Не зря же говорит народ,
Язык то Киева любого приведёт.

Ты там как будто простудился,
Ну и когда совсем свалился,

И все твоей кончины ждали,
То исповедаться решил.

Ну а когда игумена позвали,
И ты ему «секрет» открыл,
Во лжи вас тут же обвинили,
И за ворота проводили.

Тогда совет вам кто-то дал,
К Острожскому с мольбой идти,
А заодно вам подсказал,
Как князя в Киеве найти.

Тогда вы от людей узнали,
Что москвитян князь уважает,
Да православным помогает,
Вот вы к нему и прибежали,

Но позабыли вам сказать,
Что князь стоит глухой стеной,
За мирный договор с Москвой,
Который надо разорвать,

Но вам тогда не сообщили,
Что короля князь презирает,
А Годунова обожает,
Понятно у кого вы были.

И вот к нему вы обратились,
Князь вас любовно обласкал,
И в Дермонт в монастырь послал,
Чтоб вы там Господу молились.

Но вскоре он от слуг узнал,
Что ты «Димитрием» назвался,
С тобой он живо разобрался,
И вас немедленно прогнал.

Но ты с судьбой не примерился,
Ещё сильнее обозлился.

С друзьями живо распрощался,
Монашеское платье снял,
Да с православием порвал,
Ну и когда один остался,

То к арианам обратился,
За ними в Гощу поспешил,
Там пану Хойскому служил,

Да всякой ереси учился.

И к запорожским казакам,
Из Гощи ездил ты не зря,
Ведь принимали тебя там,
Как сына русского царя.

Но вот когда в Москве узнали,
Что ты с сектантами связался,
И веры русской отказался,
Тебя немедленно прокляли.

Тогда скорее поспешил,
Ты с арианами порвать,
И с православием решил,
Опять судьбу свою связать.

Ты знал, что я с царём враждую,
Борис мне силой угрожал,
И нёс с собой беду лихую,
Когда мои дома сжигал.

Однажды ты ко мне явился,
Но о тебе я всё узнал,
Когда ж больным ты притворился,
И «Дмитрием» себя назвал,

Я понял ты ко мне пришёл,
Что бы признания добиться.
На это можешь положиться,
Ведь ты союзника нашёл.

Мне о Борисе говорили,
Что был он в детстве сиротой,
И вместе с младшею сестрой,
Они вдвоём у дядьки жили.

Когда ж задумал царь Иван,
Бояр за их строптивость покарать,
То был приказ суровый дан,
Дворян в опричнину набрать,

Из слуг незнатных худородных,
Чтоб царь им всё мог доверять,
Да всех бояр на думе непокорных,
Заставить царские указы исполнять.

И вот после бесед пытливых,
И всех проверок кропотливых,

Однажды Дмитрий Годунов узнал,
Что он к царю в опричники попал.

Тогда ж в Москву он перебрался,
Ну и с собой племянников-сирот забрал
И даже сам не ожидал,
Как в свите царской оказался.

А далее вдруг умирает,
Глава Постельного приказа,
И эту должность доверяет,
Царь Дмитрию своим указом.

Приказ Постельный был обширный,
Не всякий мог им заправлять,
Чтоб царский стол всегда обильный,
Мог чужеземцев восхищать.

И Дмитрий службою гордился,
Ночную стражу проверял,
Ну и когда обход весь завершал,
То сам покаях царских спать ложился.

Вот так в заботах о царе,
Тревожно его годы шли,
А в государевом дворе,
Его племянники росли.

Едва племянник возмужал,
Как сразу место получил,
Когда же он в опричники попал,
Бори себя во всём раскрыл.

Не раз он «правду» добывал,
С Григорием Лукьянычем на пару,
И раздувал побольше жару,
Когда кого-нибудь пытал.

Но большего достиг признания,
Когда с Малютою сроднился,
Исполнив все его желанья,
На дочери его женился.

А через год его тесть погибает,
В Литве, командуя войсками,
Беднягу пуля настигает,
В войне со злейшими врагами,

Но вот московский царь решает,

Опричнину зачем-то распустить,
И всенародно объявляет,
Её «Дворовой думой» заменить,

Но в и «Дворовой думе» заговор открылся,
Раскрыть его усердно Дмитрий помогал,
Тогда он славно потрудился,
Когда изменников искал.

Из всех советников своих,
Что «Двор на думе» возглавляли,
Царь обвинил всего двоих,
Они тогда на эшафот попали.

И вновь опричнину царь Грозный создаёт,
Монарх её «Уделом» называет,
В ней перебор опричников идёт,
Где молодые стариков пытаются.

Но и «Удел» правитель отменяет,
И казни вскоре прекратились,
Все злодеяния завершились,
Но «Двор» Иван не распускает.

Немало царь прохвостов перебил,
А хитрецам не верил никогда,
И старую опричнину добил,
Но Годуновы выжили тогда.

И вот царь Фёдора женить повелевает,
И сам блажейншему сыну,
Подругу жизни выбирает,
Димитрия племянницу – Ирину.

Вот так вот Годуновы породнились,
С великокняжеской семьёй
И многого тогда они добились,
Проделав к власти путь большой.

Боярином тогда Димитрий стал,
В боярство и Бориса царь возвёл,
Димитрий получил, чего желал,
С ним к власти и Борис упорно шёл.

А вскоре царь в запальчивости страшной,
Сноху жестоко избивает,
Остановить кошмар ужасный,
Супруг ее предпринимает.

Тогда царь в ярости безумной,
Тяжёлый посох свой схватил
И в злобе дикой, безрассудной,
Им цесаревича Ивана поразил,

И как лейб-медик не старался,
Так ничего он не добился,
Иван Иванович скончался,
А у несчастной мёртвый сын родился.

Царь был настолько потрясён,
Что чуть рассудка не лишился.
И так душой был поражён,
Что за опальных жертв молился».

Лжедмитрий всё понять пытался,
Что за нелепость он от князя услышал,
Когда же с мыслями собрался,
То он Адаму Вишневецкому вопрос задал:

«С чего ж ты это князь решил,
Что царь Иван царевича убил?
Кто в заблуждение тебя ввёл,
И чушь тебе подобную наплёл?»

«Поссевино Атоний нунций папский,
Мне о царевиче Иване рассказал,
А он в Москве от свиты царской,
Сам о трагедии ужаснейшей узнал.

И Годунов всё это подтвердил,
Ведь он пытался их разнять,
Да буйство царское унять,
За что его царь посохом избил».

В ответ Лжедмитрий рассмеялся:
«Ну, Годунов совсем заврался,
Его б царь посохом кинжальным не избил,
а как собаку подлую убил.

Я о Поссевино ещё в Москве узнал.
Он Стефану Баторию мир обещал,
С царём Иваном вёл переговоры,
И с ним устраивал бессмысленные споры.

С Ливонией война в то время шла,
За выход в Балтику Москва её вела,
И чтоб Ливонию России не отдать,
Сто тысячную армию Баторий смог нанять.

Тогда царю войну, он объявил,
И Полоцк с Рузой Старой, захватив,
И многие селения разорив,
Псков армией наёмной осадил.

Царь воеводу в Псков надёжного прислал,
Ему Иван Петрович Шуйский клятву дал,
Что он готов за город жизнь отдать,
Но будет на смерть за него стоять.

Четыре месяца Псков захватить они пытались,
Град постоянно ляхи штурмовали,
Но псковичи отважно защищались,
И как скала незыблемо стояли.

Баторий полагал, Псков быстро захватить,
И сразу же с наёмниками рассчитаться,
Но с мыслями подобными пришлось ему расстаться,
И нечем оказалось шляхте заплатить.

Да псковичи им спуску не давали,
За оккупантами умело наблюдая,
Как только ляхи расслаблялись
И ничего не ожидая,
Передохнуть намеревались,
То сразу же на них, тот час же нападали.

В итоге авантюра глупой оказалась,
И армия Батория ругая,
И всё на белом свете проклиная,
Глубокой ночью тихо разбегалась.

Баторий понял, что не сможет город взять.
И сам решил с царём мир подписать,

Для этого Поссевино в Москву отправил,
А чтобы Сейм его не упрекал,
Из армии тихонько в Краков ускакал,
А за себя командовать Замойского оставил.

Ну а пока захватчики ответа выжидали,
То псковичи их вылазками досаждали,
Немало ляхов перебили,
И многих в плен тогда же захватили.

Но вот Замойский армию свою оповестил,
Что их король с царём мир заключил,
Который в Ям-Запольске подписали,

И ляхи сразу же осаду с Пскова сняли.

Героем града Пскова Шуйский стал,
Умело он людьми руководил,
С их помощью атаки все отбил,
И город от поляков отстоял.

Поссевино умело вёл с царём переговоры,
Удачно разрешал волнующие споры,
Ну а когда их мирный договор свершился,
И подписанием мирным завершился.

Посевино как будто понесло,
И что такое в голову ему взбрело,
Вначале он царю Ивану предложил,
Войну турецкую начать,

А далее царю Ивану заявил,
Что надо унию ему принять,
С католиками Русь объединить,
И православных Ватикану подчинить,

Царь глупостью Поссевино был потрясён,
И предложением его настолько удивлён,
Что начал деликатно иноземцу объяснять,
Вопрос об унии он не желает обсуждать,

И далее ему он пояснил:
«Я светскими делами занимаюсь,
И лезть в духовные дела не собираюсь»,
Ичтоб об унии Поссевино дебаты прекратил.

Ну а затем ему сказал: «я все народы уважаю,
Да их в религии не притесняю,
Вон мусульмане на Руси живут без страха,
Да все, в мечетях молятся Аллаху.

Ну а в вашей, Речи Посполитой невесть чего творится,
Все жители не знают где молиться,
Католики все с протестантами воюют,
Да православных притесняют,
Религиозная война у вас в стране бушует,
А люди мирные от этого страдают.

А псковичам я что про унию скажу,
И как я им всё про это доложу,
Когда католики их захватить пытались,
Они, рискуя жизнью, защищались,
И князю Всеволоду Новгородскому молились,

Который Псковским чудотворцем был,
Чьи мощи в Пскове несколько веков хранились,
Да силу псковичам духовную дарил».

Упорно убедить Поссевино царя старался,
И на рассказы римских пап ссыался,
Но царь Евангелие прекрасно знал,
И сам на всё Апостольским ученьем отвечал.

Поссевино пытался подло навязать,
Царю Ивану унию умело принять,

И до того монарха он донял,
Что царь еретика чуть было, не избил,
И выгнать его к чёрту приказал,
да посохом ему железным пригрозил.

Поссевино был жутко возмущён,
И до того ужасно обозлён,
Что грязью стал царя Ивана обливать,
И на него безбожно и коварно врать.

Тогда – то он и сочинить решил,
Что царь Иван царевича убил,
Когда ж царевича Димитрия убили,
В народе прямо говорили,

Что Годунов сие злодейство совершил,
А раньше был Иван царевич им отравлен,
Ну а затем он и царя Ивана погубил,
Вот так народ российский был ограблен.

Ведь царь Иван был для народа как отец,
Умело власть в своих руках держал,
И как правитель величайший был мудрец,
И никому в Боярской думе спуску не давал.

Ведь царя – Батюшку народу потерять,
Что малому ребёнку сиротою стать.
Тогда враньё Поссевино Борису пригодилося,
И Годуновым всенародно подтвердилось,

Да к этому он сочинение своё добавил,
Что будто бы во время ссоры он там был,
И видел, как царь сына поразил,
А далее ещё прибавил,

Что за царевича он будто заступился,
И жизнью чуть своей не заплатился.

Вот так, сей подлый миф образовался.
Народ преступником Бориса называет,
Цареубийцею его считает.
А царь Иван любимым на Руси остался».

Князь призадумался над сказанным надолго,
И Лжедмитрию сказал нестрога:
«Ну, ты меня своим рассказом удивил,
И так толково и подробно объяснил.

Что прежде чем царевича Дмитрия убили,
Его отца и брата отравили,
В итоге Русь с больным царём осталась,
И после его смерти Годунову власть досталась,

Ведь Царь Иван за Русь переживал,
И сам ещё при жизни завещание составил,
Наследника на трон в нём записал,
И в думе завещание своё оставил.

В котором твёрдо заявил,
Всем о желании своём,
Чтобы на троне Фёдор был,
В Москве единственным царём.

А чтобы Русью смог он управлять,
Иван Четвёртый думе наказал,
Четырёх регентов наследнику избрать,
И царь их всех в завещание своё вписал,

Но Годунова не было среди них.
Борис в тот список царский не попал,
Как обойти сумел он четверых,
И как царём он на Руси Московской стал?»

В ответ Отрепьев ухмыльнулся,
Небрежно с лавки, встал,
Зевнул, лениво потянулся,
И вот что князю рассказал:

«Три дня престольная Москва,
О смерти Грозного не знала,
И вот когда уже молва,
Народу тайну рассказала.

Врата кремлёвские закрыли
И москвичам всем сообщили,
Что умер государь Иван,

И что наказ царём был дан,

На трон лишь Фёдора венчать,
России Всей государём,
И должен весь народ признать,
Его единственным царём.

Народу также объявили,
Что все на думе утвердили,
Наказ Ивана исполнять,
И в помощь Фёдору избрать,

Ивана Шуйского, героя града Пскова,
Мстиславского, он Земством управлял
И дядюшку царя родного,
Романова, он Фёдора как сына опекал.

А так же Бельского Богдана,
Любимца Грозного Ивана,
Он «Двор» опричный возглавляет
И править с его помощью желает.

Но Бельского все в думе не любили,
В итоге регенты решили,
Опричный «Двор» весь разогнать
И у Богдана власть отнять.

Сам Головин для этой цели,
Его на местничество вызвал,
И Бельский через две недели,
На тяжбу с казначеем вышел.

Но Бельского лишь поддержали,
Щелкаловы да Годуновы,
Они за «Двор» стеной стояли,
И были вместе с ним готовы,
Хоть душу дьяволу продать,
Но лишь бы власть не потерять.

Головина же защищали,
Опекуны и часть боярства,
Которым страстно помогало,
Пришедшее на спор дворянство.

Бояре долго пререкались,
И меж собой так разругались,
Что на Богдана наскочили,
И до смерти чуть было не прибили.

Богдан с трудом от них отбился,
И где-то во дворце укрылся.

Когда же страсти улеглись,
И все бояре разошлись,
Богдан момент удобный выждал
И полк стрелецкий в Кремль вызвал.

Закрыть врата все приказал,
Сам к Фёдору же прибежал,
И начал страстно убеждать,
«Двор» царский при себе держать.

А регентов всех распустить,
Да самому дела вершить.

Когда Романов всё узнал,
То всем дворянам и холопам,
Вооружиться приказал,
И к Фроловским идти воротам.

Там он с Мстиславским повстречался,
Князь требовал ему ворота отворить
И убедить стрельцов старался,
Его к царевичу по делу пропустить.

Стрельцы вначале растерялись,
На сходку у ворот собрались,
Затем калитку приоткрыли,
И лишь опекунов впустили,

Но следом дворян устремилась,
У входа битва разразилась.
На шум, возникший у ворот,
Стекаться начинал народ.

И вскоре площадь зашумела,
И на вопрос толпы: «В чём дело?»
Дворяне стали объяснять,
Что Бельский хочет власть забрать.
В могилу Фёдора свести,
И вновь опричнину ввести.

От этих слов толпа взревела,
Вся площадь разом закипела.

Гнев дикий градом раскатился,
Послышался бунтарский гул,
Народ к Царь-пушке устремился,

Её на башню развернул,
Желая ворота разбить,
И спор с Богданом разрешить.

Меж тем на башне не дремали,
Стрельцы из бойниц наблюдали,
Что происходит у ворот.
Когда же грозен, стал народ,
Орудия живо зарядили,
И по толпе пальбу открыли.

Гром пушек Фёдор услышал,
Когда ж он от стрельцов узнал,
Что люд московский взбунтовался,
И Кремль штурмом взять пытался.

И в злобе требует слепой,
Богдана выдать с головой,
А с ним и шурина родного,
Царицы брата Годунова.

Немедленно всех примерил,
И у бояр своих спросил:
«Как бунт в Москве остановить
И беспорядки прекратить».

Тогда Романов предложил,
Богдана в Нижний отослать,
Где б воеводой он служил,
А буйным москвичам сказать,
Что Фёдор Бельского проклял,
Да в Нижний Новгород сослал.

Народу так и объявили.
Когда ж восстание загасили,
Богдан из города бежал,
А следом Фёдор отослал,

В удельный Углич из столицы,
Ногих и Дмитрия с царицей.
Чтоб новый бунт предотвратить,
И все волнения прекратить.

Когда же Дмитрия сослали,
То начали в народе толковать,
Что дьяки в думе предлагали,
Трон у наследника отнять,

Что цесаревич сильно болен,

Как малое дитя безволен,
Не может Русью управлять
И важные дела решать.

Желая толки прекратить,
И Фёдора власть закрепить,

Романов срочно поспешил,
С Борисом дружбу завязать,
И всем боярам предложил,
Его опекуном избрать.

Бояре долго колебались,
Когда ж Борис им клятву дал,
Что с Бельским навсегда порвал,
С ним дружелюбно побратались,

В делах ему успехов пожелали,
И царским регентом избрали.

Тогда Романов в думе предлагает,
Собор всей Земщины собрать,
И на соборе Земщина решает,
На царский трон наследника венчать.

И вскоре под церковный звон,
По всем канонам Византийским,
Царевич Фёдор на Московский трон,
Царём венчался Всероссийским.

И в честь венчания в столице,
Царь Фёдор со своей царицей,
Дворян служилых наградил,
Бояр же златом одарил,

А Годунову передал,
На Волге земли и ему,
Из всех бояр лишь одному,
Чин конюшего знатный дал.

И пожалеть, решив опальных,
Князьям прощение объявил,
А заключённых и несчастных,
Из казематов отпустил.

И повелел указы дать,
По коим судья не должны,
Без доказательства вины,
Дворян невинных осуждать.

Страной сурово Грозный правил
И умирая, царь больной,
В наследство Фёдору оставил,
Народ, измученный войной,
Опустошённую казну,
Да разорённую страну.

И чтоб дела казны поправить,
И мощь страны восстановить,
Романов должен был заставить,
Бояр тарханы отменить,

Что вызвало в Москве волнение
И в самый кризисный разгар,
Когда по воле всех бояр,
Град был в особом положении,

Романова удар хватил,
Он безнадёжно заболел
И потеряв немало сил,
Был вынужден уйти от дел.

Когда Романов отошёл от власти,
То разом все волнения улеглись,
И загасив остатки страсти,
Все мирно с Богом разошлись.
Вражда в столице прекратилась
И жизнь в Москве восстановилась.

Но в думе не было спокойно,
Все ждали схватки напряжённо,
Между Мстиславским пожилым
И Годуновым молодым.

Столкнувшись с регентом суровым,
Упорным умным Годуновым,
Мстиславский начал замышлять,
Как власть у конюшего вырвать,
И начал казначея убеждать,
На тяжбу местническую Годунова вызвать.

Но Годунов удар сей ждал,
Он, несомненно, понимал,
Что казначею в этой схватке,
На местничестве бы проиграл.

А посему он поспешил,
Удар внезапный нанести,

И думным дьякам предложил,
Казны проверку провести.

Когда же всё пересчитав,
Проверку дьяки завершили
И доказательства собрав,
Царю немедля сообщили,

О крупных денежных хищениях,
То думу в тот же день собрали,
И сразу же под стражу казначея взяли
И суд боярским повелением,

Смертельный вынес приговор,
А чтоб узнал весь люд позор,
Решили палачу отдать,
Чтобы его на Красной площади казнить,
Но Годунов стал хлопотать,
Ему казнь ссылкой заменить.

«За приставы» в Казань сослать,
Куда его и заточили,
И там решив его убрать,
Однажды ночью умертвили.

Убив в Казани казначея,
Борис стал меры принимать,
Дабы Мстиславского скорее,
Из царских регентов изгнать.

И чтобы князя затравить,
Бориса люди поспешили,
Его в злодействе обвинить,
И слух по городу пустили,

Что регент яко бы пытался,
На пир Бориса заманить,
И сам его намеревался,
Смертельным ядом напоить.

И получив удобный повод,
Борис всё это подтвердил
И указав на важный довод,
Тихонько князя убедил,

Оставить Кремль добровольно,
И в Белоозеро отбыть,
Чтоб не пришлось ему невольно,
Туда под стражею прибыть.

И вот когда Борис считал,
Едва расправившись с Мстиславским,
Что высшей властью обладал
И соправителем стал царским,

Как государь внезапно слёг,
Глаза его в глазницы впали,
Когда ж совсем он занемог,
Готовить его к смерти стали.

Ну и встревоженный болезнью царской,
И оппозицией боярской,
Борис посольство собирает,
И срочно в Вену направляет.

Чтоб у Рудольфа разузнать,
Не сможет принца он прислать,
Когда царь с миром распростится,
То, обвенчав его с царицей,

Вдовой Ириной Годуновой,
Царём его Московским объявить,
И властью наделив законной,
Судьбу страны ему вручить.

Но брат царицы просчитался,
Когда царь смерти избежал,
И вскоре на ноги поднялся,
То всё о шурине узнал,

И в думе конюшему предложил,
Во всех в грехах своих сознаться,
И Годунов, как только не хитрил,
Был всё же вынужден, признаться.

Но стоило в Москве узнать,
Что Габсбургам Борис решился,
Трон православный передать,
Как живо слух распространился,

Что ядом он намеревался,
Царя Ивана отравить,
А так же Фёдора пытался,
Неоднократно погубить.

И растревоженный происходящим,
Да наказанием предстоящим,
Борис Горсея в Лондон шлёт,

И указание даёт.

У королевы разузнать.
Захочет ли она его,
Под покровительство своё,
В минуту трудную принять.

А так же заодно спросить,
Не сможет ли она царице,
Прислать весною «дохторицу»,
Чтоб сына ей живым родить.

Болезнь Ирины понимая,
Елизавета посылает,
Ей повитуху с «дохторицей»,
С письмом в престольную столицу.

Свои услуги предлагая,
и цесаревича желая,
Благополучно ей родить,
Да матерью счастливой быть.

Но сына царского рожденье,
Враги Бориса не желали.
Они прекрасно понимали,
Что ищет Годунов решения,
Как у царя прощение получить,
И вновь его доверие заслужить,

А посему они решили.
В Москву британок не пускать,
И с духовенством поспешили,
Их еретичками признать.

И Годунов как не пытался,
Царя в обратном убедить,
Несчастный всё же побоялся,
Врача к Ирине допустить.

И как царица не молилась,
И в помощь Бога не звала,
Когда опять пора пришла,
Вновь неудачно разрешилась.

После того как не смогла,
Ирина Фёдору царевича родить,
Вся дума с трепетом ждала,
Кому же станет Борис мстить.

И вот заметив, что на думе,
Правитель взор свой хитроумный,

С Ивана Шуйского не сводит,
То поняли, что Годунов,
Известному героя Пскова,
Судьбу Мстиславского готовит.

Но Иван Шуйский, Годунова зная,
И всё прекрасно понимая,
За внешним скорбным примирением,
И рабским преданным смирением,

Умело заговор скрывал,
На бунт, в котором призывал,
Гостей и мужиков торговых,
Против засилья Годуновых.

И вот когда он смог настроить,
Против Бориса и дворян,
А так же к бунту подготовить,
Людей посадских и мирян.

Волна народа поднялась,
По всей столице раскатилась,
К воротам живо устремилась,
И в Кремль с ужасным криком ворвалась.

И у палаты Грановитой,
С глазами злобою налитой,
Потребовала от царя сурово,
Народу выдать Годунова.

Дабы его с остервенением,
«Без милости побить каменеем».

Но царь, напуганный размахом,
И ослеплённый диким страхом,

Стал князя слёзно умолять:
«К народу срочно обратиться,
И чтоб бунтовщиков унять,
При всех с Борисом князю помириться».

И хоть не очень – то желал,
Иван Шуйский с Годуновым примирения,
Он всё прекрасно понимал,
Что всенародное волнение,

Страшной правителя любого,
И если им пренебрегать,
То не заставить себя ждать,
И вскоре отомстит сурово.

Поэтому – то он решился,
Народный бунт предотвратить,
И поспешил всем объявить,
Что с Годуновым помирился,

Зла на Бориса не имеет,
И о случившемся жалеет.

В ответ к светлейшему с укором,
Два человека обратились:
«Сегодня снова с Годуновым,
Вы против воли помирились,

А завтра благоверный князь,
Нам от Бориса всем погибнуть,
Да и тебе в темнице сгинуть,
Иль где-нибудь в глуши пропасть».

После чего народ отхлынул,
Когда же Кремль он покинул,
Двор царский стражей окружили,
И все ворота затворили.

Но мир не долгим оказался.
Решив Бориса отстранить,
Князь Шуйский втайне постарался,
Митрополита убедить,

Царю прошение подать,
И всем его сословиям подписать,

Чтоб ради рода продолжения
И сына царского рожденья,
Царицу Фёдор отпустил,
И сам в повторный брак вступил.

Но Шуйский просчитался снова.
Царь лишь Ирине доверял,
И по наказу её брата Годунова,
Понять митрополиту дал.

Что даже царь Иван не смел,
Его в разводе убедить,
А тут монах его посмел,

С женой Ириной разлучить.

И сразу Дионисия за это,
В измене Фёдор обвинив,
И вняв Борисову совету,
Московской кафедры лишив,

Монахом в Новгород сослал,
А кафедру его занял,
Сторонник верный Годунова,
Владыка Иов из Ростова.

Но снова князь не примирился,
И злобу в сердце затаив,
Ещё сильнее обозлился,
И план, с Андреем обсудив.

Решил посад на бунт поднять,
И чтоб разжечь в народе страсть,
Он стал купцов всех убеждать,
На двор правителя напасть.

Но брат царицы не дремал,
Он от людей своих надёжных,
О плане Шуйских всё узнал,
И слухов не боясь тревожных.

Не стал князей разоблачать,
А двор, свой в крепость превратив,
И дворню всю свою вооружив,
Решил, открытый бой принять.

И вот когда толпа взбешённых,
Торговцев мстью ослеплённых,
На Годуновых двор напала.
Вся крепость с яростью суровой,
Как злой дракон многоголовый,
Огнём свинцовым зарыгала.

И нападение отбив,
«Гостей» картечью провожала,
Пока их всех не разогнала,
Народу массу уложив.

И сразу же после событий,
Без шума лишнего правитель,
Сумел опекуна заставить,
Москву престольную оставить.

И чтобы запугать восставших,
Вождей посада допросил,
И шестерых купцов бесстрашных,
На Красной площади казнил.

Но дело волей Годунова,
Доследовать царь приказал,
И розыск начатый им снова,
Подробности такие дал,

Что Шуйский был в Москву доставлен,
И после показаний важных,
В далёкий монастырь отправлен,
Где и удушен, был однажды.

Покончив, с регентом правитель,
Решил добить врагов своих,
И гнев свой беспощадный мститель,
На головы обрушил их.

И так сумел всех запугать,
Что из врагов его на думе,
Ни кто не смел, даже подумать,
На власть его претендовать.

И вот когда он абсолютной властью обладал,
Послы своим монархам сообщали,
А также всю Европу извещали,
Что Годунов правителем в России стал.
И грамотно страной управляет,
А Фёдор царь на троне, только восседает.

Тогда бояре с грустью понимали,
Что безнадежно царь больной,
И отведён ему срок жизни небольшой,
И меж собою в думе рассуждали:

«Что если Фёдор неожиданно умрёт,
Царём царевич Дмитрий сможет стать,
За всё, тогда придётся Годуновым отвечать,
И всех их неизбежно плаха ждёт.

Но так как царская жена,
Не может Фёдору наследника родить,
И цесаревича монарху подарить,
То участь Дмитрия была предreshена».

Но прежде чем исполнить приговор,
Борис как настоящий, хитрый вор,

Решил от церкви помощь получить,
А чтоб она ему помощницею стала,
И от врагов Бориса защищала,
Задумал патриаршество в России учредить.

Часть II

Бояре всё прекрасно понимали,
И не пришлось их долго убеждать,
И все его с царём на думе поддержали,
В России патриаршество принять.
И Годунов бояр всех убеждает,
Что первым патриархом Иов должен быть,
Ведь церковь он умело возглавляет,
И все, всегда царю сумеет объяснить.

А вскоре посетить Москву решает Иоаким,
Атихийской церкви православной патриарх,
Его с большим почтением встречает наш монарх,
И выслушав его с вниманием большим.

Царь в разговоре Иоакиму пояснил,
Что наступило время патриаршество в России учредить,
А чтоб его собор Вселенский утвердил,
Всех патриархов в этом нужно убедить.

Тогда царя владыка уверял,
Что на соборе будут его просьбу обсуждать,
И русскому монарху обещал,
В Москву его решение прислать.
Тогда в Москве деньгами Иоакима одарили,
И в Антиохию с надеждой проводили.

А через два года царь в Москве встречает,
В сопровождении двух иерархов,
Константинопольского патриарха,
и всех троих их в царские хоромы приглашает.

Дабы решение собора у них разузнать,
Но Иеремея патриарх дал сразу, же царю понять,
Что на соборе дело важное решалось,
А патриаршество Московское не обсуждалось.

И Дорофей митрополит всё подтверждает,
Но архиепископ всем Арсений предлагает:
«С вопросом этим важным не спешить,
А здесь в Москве дела все с патриаршеством решить».

Тогда ж бояре от Арсения узнали,
Когда они в Россию через Польшу проезжали,
Что Ян Замойский патриарха заманил,
И гостю тайно предложил.

Иеремии в Киев перебраться,
Чтоб в Речи Посполитой навсегда ему остаться,
При этом патриарх ему всё головой кивал,
И гетману ответ дать вскоре обещал.

Когда бояре это услышали,
То им с большим трудом, пришлось себя в руках сдержать.
Они коварство польское прекрасно знали,
И меж собою стали рассуждать:
«Похоже, ляхи в Западную Русь решили,
Константинопольского патриарха заманить,
Да под предлогом, якобы его от турок защитить,
В Киев перебраться Иеремии предложили.

А чтобы смог он Русским патриархом стать,
И православие от басурман спасти,
То в Киев из Царьграда, он должен кафедру свою перевести,
И в Речи Посполитой её заново создать.

Ну и как только, в Киеве он пожелает навсегда остаться,
И окончательно с Царьградом распрощаться,
Его заставят ляхи унию принять,
Да «Папу римского своим главой признать».

Тогда Борис с Щелкаловым решили,
Коварство гетмана немедленно разоблачить,
И патриарху сразу же на встрече объяснили.
Зачем хотят его поляки заманить:
«Чтоб в Киеве его заставить унию принять,
И ноги Папе римскому лобзать».

Святейший был настолько возмущён,
И новостью был так ошеломлён,
Что ни чего не смог в ответ сказать,
А призадумался, пытаюсь, всё понять.

Тогда ж Борис с Щелкаловым ему всё разъяснили,
Что ляхи православных подчинить себе желают,
И на коварство гетмана ему глаза раскрыли,
Ведь в Риме унию всем православным навязать мечтают.

Они же навязать царю Ивану унию пытались,
Которая, лишь, догмою безбожной оказалась.
Тогда с царём Московским в Риме просчитались,
И Русь в итоге православною осталась.

Тогда Борис стал патриарха убеждать,
Что. Третьим Римом стоило б Москву признать,

Её столицей православной объявить,
И с патриаршеством в Москве вопрос решить.

За тем Иеремии пояснили,
Что может сам он Русским патриархом стать,
И скромно в разговоре, предложили,
Ему престол в России патриарший основать.

Но патриарх боялся ошибиться,
Он был ужасно возбужден,
И разговором был настолько утомлён,
Что предпочёл пока не торопиться.

Но чтобы в этом деле разобраться,
Решил подобно с греками всё обсудить,
И с ними начал срочно совещаться,
Чтоб все проблемы лучше разрешить.

Ведь турки патриарха постоянно притесняли,
И ссылке он четыре года находился,
И дважды незаконно кафедры они его лишали,
Но на престоле он своём восстановился.

Да здесь в дилемме сложной оказался
И всё не знал, на что ему решиться,
Ошибку сделать страшную боялся,
Да в ситуации важнейшей ошибиться,

К тому ж его Арсений страстно убеждает,
В Москве престол свой патриарший основать,
А Дорофей, упорно не желает,
За Русью патриаршество признать.

В Москве гостей великолепно принимали,
В церквях они, как им положено молились,
В хороммах, убранных по царски проживали,
И под охраною надёжной находились.

Еду изысканную из дворца им доставляли,
По десять блюд им ежедневно предлагалось,
На выбор, что они хотели, получали,
А вся еда боярским мёдом запивалось,

И после многих, многомесячных решений,
И долгих мучающих сомнений,
Иеремия греков всех своих собрал,
И о решении своём им рассказал,

Что он в Москве надумал кафедру открыть,

И здесь престол свой патриарший основать,
И от царя благословенье получить,
Ему в столице патриархом Русским стать,

Когда царь новость эту получил,
То приказал боярам всем собраться,
И всем на думе сообщил,
Что патриарх желает на Руси остаться.

Бояре стали сразу эту новость обсуждать;
«Ведь патриарх на думе нам помочь ни чем не сможет,
Он даже речь не может русскую понять,
Ну а царю московскому, чем он поможет?»

Когда бояре эту новость обсудили,
То патриарху в думе предложили,
«Ему российским патриархом стать,
И церковь на Руси возглавить,
Но во Владимире ему престол свой основать,
Да из Владимира делами русской церкви править.

Ну а в Москве владыка Иов остаётся,
Ведь царь без Иова ни как не обойдётся

Митрополит с царём дела все в думе обсуждает,
И помогает Фёдору странюю управлять,
Он всё ему умело объясняет,
Лишь только Иову царь может доверять».

Но патриарх с боярами не согласился,
И даже жутко возмутился,
И начал Годунова убеждать:
«Что патриарх с царём обязан находиться,

И помогать, его делам осуществиться,
Да Фёдора везде сопровождать».

На что ему бояре возразили,
И патриарху объяснили,
«Что на престоле царь больной,
И сам не может управлять без помощи страной,

Царю во всём владыка Иов помогает,
Он смог ему помощником надёжным стать,
Когда же царь за Русь переживает,
Его лишь только Иов может утешать.

Ну а когда митрополит заболел,
То царь за Иова как сын переживал,

Его царь больше всех на думе полюбил,
Ведь он ему во всём, отца родного заменил.

Царь Иова безумно обожает,
Он помогает важные дела ему решать,
Во всём лишь только Иову царь Фёдор доверяет,
Ведь он ему всегда на всё ответ сумеет дать.

Тогда Борис стал патриарху разъяснять:
«Что он по-русски ни чего сказать не может,
И чем боярской думе он царю поможет?
Его не сможет русский царь больной понять.

Ведь в думе страстно все дела решают,
До рукопашных схваток доходило,
Царя же рынды с топорами защищают,
Ну и пока без жертв всё проходило.

Ведь царь с боярами всё должен обсудить,
И нужное решение принять,
А что не сможет государь понять,
Ему сумеет Иов сразу объяснить».

Ну и когда же Иеремию разъяснили,
Что он помочь московскому царю не сможет,
А все бояре подтвердили,
Что только Иов, Фёдору царю всегда поможет,

То Годунов стал грека убеждать,
Что патриарх Московский должен русским быть,
И предложил митрополита Иова избрать,
Он знает, как Московскому царю служить.

В итоге с доводами Иеремию согласился,
Его тогда Арсений постарался поддержать,
Ну, когда святейший в правоте боярской убедился,
То он решил престол в России патриарший основать.

И патриарх, глава Священного Синода,
В столице русской, повелел, собор собрать
И ради счастья православного народа,
Решил сам патриарха на Руси избрать.

И чтобы выборы как надо провести,
Да православные каноны соблюсти,
Епископов российских патриарх собрал,
И на соборе тайно кандидатов трёх избрал.

И первым претендентом Иова называли,

Митрополита Всей Руси Московской,
А также кандидатами с митрополитом стали,
Архиепископ Александр Новгородский,
И Варлаам архиепископ Суздальско-Ростовский.

Затем собор Священный начал кандидатов обсуждать,
И дважды к патриарху Иеремии обращался.
Он в этом деле быстро разобрался,
И предложил митрополита Иова избрать.

Епископы с ним разом согласились,
И споры на соборе прекратились.
Тогда же патриарх своим решением,
И царским Божьим повеленьем,

На патриарший Всей Руси престол,
Митрополита Иова возвёл.

От счастья царь не знал, как поступить,
Усердно Господа Христа за всё молил,
Да Богоматерь Божию от всей души благодарил,
И Иова спешил благословить.

Тогда же грамоту владыки написали,
И с нею патриарха на соборе утвердили,
То сразу же четыре кафедры митрополичьи учредили,
И шесть епископств и архиепископств основали.

Как только царь благую весть народу сообщил,
То весь народ её с восторгом воспринял.
Ну а когда царь Иова святейшим патриархом объявил,
То наш народ всё это дело, даром Божьим посчитал.

Ну и когда в соборах кончили служить,
И службу крестным ходом завершить,

То патриарх сел на осла в Кремле,
И скромно ехал за крестом большим,
Как в своё время на осле,
Христос въезжал в сопровождении двенадцати апостолов Иерусалим.

Владыки крестный ход его с хоругвями сопровождали,
Когда же вышли все из Фроловских ворот,
Они все с патриархом Иовом молебен воспевали,
То встретил их всех со свечами, радостный народ.

В церквях колокола всюду звонили,
Борис осла под патриархом вёл,
Как только крестный ход вокруг Кремля пошёл,

По Всей Руси церковный праздник православный объявили.

Когда же патриаршество Московское свершилось,
И всё удачно завершилось,
Царь щедростью Российского монарха,
Всех греков из казны обогатил,
А Константинопольского патриарха,
От всей души за всё благодарил.

И чтоб его особые заслуги оценить,
Царь митрой с драгоценными камнями,
Расшитую прекрасно жемчугами,
Смог патриарха Константинопольского восхитить.

Да тысячу рублей ему царь на прощанье дал,
Чтоб храм в Константинополе он смог построить,
В итоге Иеремия получил, чего желал,
И даже резиденцию свою сумел благоустроить.

Особо царь Арсения ценил,
Царю во всём архиепископ помогал,
Когда ж Арсений вновь в Москву прибыл,
То настоятелем в Архангельском соборе стал.

А через год с собор в Константинополе созвали.
На нём собрали всех Вселенских патриархов,
И по решению восточных, иерархов,
Московскую патриархию учреждали.

Как только русскую патриархию утвердили,
То пятым в списке патриархов Иова признали,
И грамоту владыки на соборе подписали,
О чём они Московскую патриархию известили.

Князь Вишневецкий выслушал Лжедмитрия довольно,
Ведь от него он о Борисе, смог много нового узнать,
И оценив всё сказанное им достойно,
Решил ему, что было дальше в Польше рассказать:

«Когда в Константинополь греки уезжали,
То Западную Русь пришлось им в Речи Посполитой проезжать,
Где патриарха Константинопольского русские все обожали,
И стали с восхищением его встречать.

Ведь церковь в Западной Руси Иеремия возглавлял,
Он братствам Вильно, Киева и Львова доверяя,
Им контролировать архиереев разрешал,
И мнение народа уважая,

Сумел всех вызвать на душевный разговор,
Когда же откровенничать с ним прихожане стали,
То в дружеской беседе они ему все рассказали,
Что Киевский митрополит Онисифор,

Женат был на девицах дважды.
И хоть он всё от прихожан скрывал,
Наружу правда выплыла о нём однажды,
За это «Девочкой» его народ прозвал.

Когда рассказ с митрополитом подтвердился,
То сразу патриарх Онисифора кафедры лишил,
И братствам силу большую дать согласился,
Да строже контролировать иерархов предложил.

Тогда Кирилл Терлецкий постарался,
Епископов женатых патриарху сдать.
Тогда владыка Луцкий быстро догадался,
Как нужно патриарху угодать.

Тогда же патриарх с архиереями начал разбираться,
И всех владык женатых на монахов заменил,
А чтоб не смог владыка многожёнцем оказаться,
Порядок в церкви, в Западной Руси восстановил.

Тогда Терлецкий чтоб доверье у Иеремии заслужить,
Стал патриарху всё внимание уделять,
Ему подарки всевозможные дарить,
И все его желания исполнять.

И вот когда доверия ему от Иеремии удалось добиться,
Ведь патриарх тогда, из всех владык митрополита Киевского выбирал,
То смог Кирилл за Минского архимандрита поручиться,
Так Михаил Рагоза Киевским митрополитом стал.

А через пару дней Иеремия узнаёт,
Что Михаил Рагоза иезуитам доверяет,
Тогда он власть церковную Терлецкому всю отдаёт,
И сам его на Западной Руси, экзархом назначает.

Терлецкий получил, чего желал,
Теперь может иерархов утверждать,
Ведь он наместником от патриарха стал,
И мог за всеми свой надзор осуществлять.

А вскоре патриарх всем объявил,
Что он порядок в Западной Руси навёл,
Да братствам контролировать иерархов разрешил,
Ведь он в их действиях, надёжных, слуг своих обрёл.

И братства Львова, Вильно помощи дождались,
Их патриарх ставропигией защитил,
Теперь они суду лишь патриарха подчинялись,
И суд епископов им больше не грозил.

За тем в Константинополь патриарх собрался,
Подарки денежные на прощанье получил,
Со всеми дружелюбно распрощался,
И с греками в Царьград к себе отбыл.

Владыки патриархом были недовольны,
И братствам выданной ставропигией тяготились,
Теперь от братчин все они зависели невольно,
И под контролем их особым находились.

Тогда епископ Львовский Балабан,
Всем этим жутко возмутился,
Он ненавидел братчину сильнее басурман,
И с братством Львовским во вражде ужасной находился.

Да злобу страшную на патриарха затаив.
Он всем старался с яростью внушить,
Что он не должен церковью на Западной Руси руководить,
И патриарха в своеволие обвинив.

Решает папу Римского признать,
И патриарху более не подчиняться,
И стал Терлецкого активно убеждать,
Что наступило время унией заняться.

Своих соратников среди епископов искал,
Вначале Дионисия владыку Холмского нашёл,
Потом владыку Пинского Леонтия обрёл,
И страстно унию принять их убеждал,

Затем они Рагозе предложили,
Собор свой в Бельзе, тайно, от людей собрать,
Его при этом убедили,
Что народ об их соборе, не должен ни чего узнать.

Митрополит счёл предложение возможным,
Но принимать участие в Бельзе отказался,
Он был в делах подобных осторожным,
И без его участия собор их тайный состоялся.

На нём владыки – заговорщики решили,
С Константинопольской патриархией порвать,
И «тайну» меж собою заключили.

Главенство папы Римского признать.

Митрополит собор свой в Бресте собирает,
Там заговорщики задумали Рагозу в «тайну» посвятить.
Он им помочь в делах их обещает,
О чём они в письме решили Сигизмунду сообщить.

Но отвечать король не торопился,
И обсуждать письмо с митрополитом не желал,
А за советом к иезуитам обратился,
И новых действий от Рагозы выжидал.

И через год они письмо вновь Сигизмунду посылают,
В нём обещают, верховенство папы Римского признать,
Да подчинить Русь Западную Ватикану предлагают,
И с Константинопольской патриархией порвать.

А так же Сигизмунда умоляли,
Чтоб он свободу им за это даровал,
И польского монарха увещали,
Чтоб привилегии он им как и католикам, всем дал.

Тогда король решил с письмом их разобраться,
Для этого себе он иезуитов пригласил,
И начал с ними вместе совещаться,
И вот ответ, какой от них он получил.

У Сигизмунда цель одна,
Московию он хочет покорить,
И сделать всё Речь Посполитая должна,
Чтоб власть монарха Польского в Москве установить.

Для Ватикана тоже цель ясна,
Он всех желает Риму починить,
Ведь папе Римскому над всеми Богом власть дана,
Чтоб его именем, на всей земле свои дела вершить.

И если будем мы в своих делах едины,
То цели обязательно добьёмся,
А вместе будем мы непобедимы,
И верховенство папы Римского дождёмся.

Когда поляки Русь Московскую захватят,
То сразу станут унию внедрять,
И патриарха Русского заставят,
У папы Римского подмётки, целовать.

Владыки-оборотни патриархом были не довольны,
И не желали злые места по воле братств терять,

Ведь обращаться к королю придётся им невольно,
И у него защиты от церковных братств искать.

Король в письме им помощь обещал,
Что он их всех, от братств и патриарха защитит,
Ну и в делах своих удачи им желал,
И за стремление к унии их всех благодарит.

Король им все условия создаёт,
Да заслужить им привилегии, желает,
И от епископов активных действий ждёт,
Да поимённо, их в письме перечисляет:

«В письме Терлецкого Кирилла первым записал,
И Гедеоны Балабана не забыл,
Ну а за ними Дионисия Збируйского вписал,
И всё письмо Леонтием Пельчитским завершил».

Ну и когда епископы ответ от короля дождались,
То по своему решили оборотни его суть разобрать,
Тогда они все дружно размечтались,
И стали меж собою рассуждать:

«Что если сможем мы мечту свою осуществить,
И под началом папы Римского остаться,
То нас от братств монарх наш сможет защитить,
И будем с королём в сенате мы общаться».

Но за оборотнями иезуиты наблюдают,
Решив, что им не стоит случай упускать.,
Они внедрить агента к оборотням предлагают,
Который стал бы всё за них решать.

Тогда иезуит епископ Мациевский,
Для этого Адама Потия нашёл.
И с разрешенья власти королевской,
На встречу к оборотням сам его привёл.

Адам на службе королевской находился,
И перед всеми льстиво пресмыкался,
В итоге до сенатора он дослужился.
И льстить католикам особенно старался.

Помощь иезуитам Потий обещает.
Ведь он вначале православным был,
За тем ученья в сектах протестантских продолжает,
И весь свой опыт иезуитам предложил.

Тогда ему пришлось вновь в православие внедриться.

И чтоб владыкой православным ему стать,
В монахи он сумел под именем Ипатия подстричься,
Дабы за тем ему в епископы претендовать.

Когда Владимирский епископ умирает,
И сразу же избрать Ипатия экзарх всех убедил.
Тогда в епископы его Рагоза посвящает,
Так должность нужную Ипатий получил.

Ну и когда же братства оборотней заговор раскрыли,
То патриарху Иеремии сразу написали.
Когда они ему в письме об этом сообщили,
То ждать реакции от патриарха стали.

Когда о заговоре патриарх Константинопольский узнал,
То сразу вспомнил, как его в Москве предупреждали,
Тогда собор Вселенский он в Царьграде вновь собрал,
И патриарха Всея Руси на нём второй раз все признали.

И список патриарший утвердили,
Вначале патриарха Константинопольского записали,
За тем вписать трёх «древних» патриархов предложили,
И список патриаршеством Московским завершали.

Тогда же патриарх к Острожскому письмо послал,
Чтоб он смог в этом деле разобраться.
Ну и когда князь просьбу патриарха прочитал,
То сам решил немедленно за это дело взяться.

И князь Рагозу срочно расспросил:
«Как он всё это понимает?»
На что ему Рагоза заявил:
«Что он об этом ни чего не знает».

И начал князю страстно клясться:
«Что насмерть он за православие стоит,
Да с верой предков не желает расставаться,
И сразу князю об измене сообщит».

Тогда о заговорщиках митрополита князь спросил:
«Чтооборотни унию задумали принять?»
Он подтверждение от братчин получил,
Что папу Римского хотят нам оборотни навязать».

На что митрополит Острожскому фальшиво заявляет,
Что он о заговоре лишь от него узнал.
Хоть сам «покорнейшие письма» с оборотнями сочиняет,
А перед этим он их, к папе Римскому и к королю послал.

Митрополит смог князю откровенно врать,
Хотя сам к унии с Терлецким всё готовил.
И нагло заговор при этом отрицать,
Аперед князем лживую комедию устроил.

Король же оборотней торопил,
И результаты получить от них хотел быстрее,
В победе всех удачной он их убедил,
И пожелал им быть в делах своих смелее.

Тогда в Сокале Балабан всех собирает,
Чтоб срочно делом унии заняться,
Всем заговорщикам Рагоза предлагает,
Во Флорентийской унии вначале разобраться:

«Когда войною турки грекам угрожали,
То чтобы Константинополь отстоять,
Все приближённые монарха убеждали,
С католиками унию церковную принять.

Тогда Палеолог Иоанн Четвёртый согласился,
Константинополь Риму подчинить,
И к папе Римскому Евгению сам обратился,
Чтоб он помог ему от турок, Византию защитить.

Тогда собор Вселенский решено было созвать.
Под верховенством греческих и католических церквей,
И собор решили пригласить и западных государей,
Чтоб все они сумели помощь Византии оказать.

Ну и когда в Феррари первый раз собор собрался,
То на него, Иоанн Палеолог на корабле приплыл,
Но чтобы он в делах духовных лучше разбирался,
С ним вместе патриарх из Константинополя прибыл.

И сразу папа Римский начал патриарха оскорблять,
И даже наглости такой набрался,
Что требовал, от патриарха ему ноги целовать,
Но патриарх Иосиф, сделать это сразу отказался.

Ну а пока иерархи меж собою разбирались,
Чума Феррари вскоре охватила.
И вот, когда о Святом Духе споры между ними разгорались,
То в городе чума людей безжалостно косила.

Тогда всех Римский папа убедил,
Им во Флоренцию собор перевести,
И всем участникам собора предложил,
Там до конца дела все с униатством довести.

Когда же во Флоренции собор собрался,
То спор о нисхождении Святого Духа продолжался,

При этом православные всех убеждали,
Что Дух Святой исходит к Сыну от Творца,
Ну а католики упрямо утверждали,
Что Дух Святой идёт от Сына и Отца.

Но если православные на Писание Священное ссылались,
То католики их слушать не желали,
Да навязать лишь мнение своё старались,
Ну а Священное Писание вольно толковали.

Но спорам этим не было конца.
Ведь все друг другу не желали уступать,
И не нашлось средь них такого мудреца,
Который смог бы правоту им доказать.

Палеолог был неуступчивостью греков не доволен,
И чтоб полемику скорее завершить,
Был основательно, решительно настроен,
В духовном споре латинянам уступить.

Тогда стал император греков убеждать,
С католиками в споре согласиться,
И начал под угрозами их принуждать,
С еретиками против воли примериться.

В итоге, спорить более с католиками греки не пытались,
И даже с ними и в дебаты не вступали,
Лишь под угрозами они смиренно с ними соглашались,
В итоге их ученье Святой Троицы они «признали».

И вскоре патриарх Иосиф умирает,
Тогда Иоанн Четвёртый греков принуждает,
Главенство папы Римского признать,
Да «акт соединения церквей», их подписать.

Когда же в Константинополь все приплыли,
То все епископы, от униатства отказались.
И духовенству греческому объяснили,
Что под угрозой в «акте» подлом, они все расписались.

Как только греки это услышали,
То все от новости кошмарной содрогнулись.
А прочитав «акт» униатский, ужаснулись,
И папу Римского Евгения проклинали.

Народ же греческий ужасно возмущался,
Он униатов откровенно презирал,
Ну и как только мог еретикам сопротивлялся,
Но веру православную не предавал.

Когда об этом патриархи на востоке все узнали,
То императору протест свой заявили.
В Иерусалиме свой собор собрали,
И униатов всех от церкви православной отлучили.

Ну а в Москве митрополит Российский Исидор,
Стал князю папы Римского послание читать,
Да Флорентийский восхвалять собор,
И папу Римского на службе поминать.

Тогда Василий Тёмный грека низложил,
И срочно на собор епископов в Москве собрал.
Князь на соборе унию безбожную сурово осудил,
Ну и владыку Иона, собор в Москве митрополитом Всея Руси избрал,
С тех пор митрополитов русских только на соборах избирали,
Ну и в Царьграде главу Российской церкви более утверждали.

В самой же Греции борьба религиозная происходила,
Насильно унию Палеолог внедрял.
Но против ереси борьба народ сплотила,
Хоть император униатов главой церкви назначал.

Но греки папу Римского прекрасно знали,
И меж собой о нём так рассуждали.
Что папа ради унии, всё будет обещать,
А Грецию он никогда не станет защищать.

Когда ж в итоге император разобрался,
Что папа подчинить себе лишь православие хотел,
А Византию защищать не собирався,
То к униатству быстро охладел.

Когда же Константин Двенадцатый на трон взошёл,
То на соборе униатов низложили,
И сразу на престол он патриарха православного возвёл,
За это греки Константина правоверным объявили.

А вскоре греков рок ужасный ожидал.
Султан Константинополь осадил.
Но Константин отчаянно столицу защищал,
И жизнь свою в бою за Константинополь положил.

Но враг жестокий не сумел их дух сломать,
А подвиг Константина греческий народ не смог забыть,

Да веру православную сумел в борьбе кошмарной отстоять,
Но ужас дикий вынуждены были греки пережить,

Когда итоги Флорентийской унии в Сокале обсуждали,
То «акт соединения церквей» принять решили,
Но унижительный «акт» патриархи отвергали,
Да ересью его поганой объявили.

Недолго с «актом» оборотни разбирались,
Ну и когда его законность постарались утвердить,
То сразу же они патриарха Константинопольского отказались,
Да папу Римского главою всех христиан они решили объявить.

И начали «артикулы» в Сокале сочинять,
Они в них короля и папу убеждали,
В Русь Западную патриарха не пускать,
А также Сигизмунду предлагали.

Чтоб он с католиками униатов уравниал,
И также им места в сенате доставались,
Да православные приходы им все даровал,
А братства все их архиереям подчинялись,

Тогда ж на «тайном сборище» в Сокале,
Письмо они решили Сигизмунду отослать,
И папе Римскому подробно предлагали,
Всё об «артикулах в Сокале» написать.

И то, что Флорентийский «акт» они все признают,
О чём они в своих «артикулах в Сокале» подтвердили,
И все они свою присягу папе Римскому дают,
И в лоно «веры истинной» принять Русь предложили.

Ну а затем решил собор епархиальный Балабан созвать
Когда во Львов архимандритов пригласил,
То начал «акт соединения церквей» им всем читать,
Да папу Римского главою христианства объявил.

И на соборе Львовском акт все подписали,
Что папе Римскому они все присягают,
И принять унию владыки пожелали,
Да подчинить Русь Западную Риму обещают.

Когда ж народ такую новость получил,
То заговорщиков в измене обвиняя,
Лишить всех оборотней сана предложил,
И отомстить им за предательство, желая,

Именья оборотней начал разорять.

Тогда стал Балабан от униатства отрекаться,
И большинство владык акт пожелавших подписать,
От своей подписи решили тоже отказаться.

Когда же Константин Острожский всё узнал,
То жутко до безумья возмутился,
И сразу же послание к верующим написал,
Да к православному народу обратился.

В нём князь епископов с митрополитом обличает,
«Что, кознями лукавейшего дьявола прельстившись,
И тьмою сластолюбия помрачившись.
Католикам продать Русь православную желают».

Их всех в измене патриарху обвинил,
И что, скрывая под овчиной свою волчью суть,
Они решили к папе Римскому прильнуть,
И далее народу пояснил.

«Что кафедры они обманом получили,
Когда ж места архиерейские им удалось занять,
То властно волею своей за прихожан решили,
От веры истинной нас бессловесных отторгать.

Задумав на погибель нас, всех ввергнуть,
Между собою оборотни обсуждали,
Как веру предков в Западной Руси низвергнуть,
Да папе Римскому – антихристу её отдать мечтали.

При этом, со злорадством, признают,
Как патриарха они ловко обольстили,
Ну и затем его умело обхитрили,
И нынче как Иуда предают».

И короля Острожский начал обвинять,
Что веру православную он притесняет,
И всем, пытаясь, униатство навязать,
Присяге королевской изменяет.

И к протестантам князь задумал обратиться,
И постарался их умело убедить,
В борьбе им против латинян необходимо всем объединиться,
Дабы король не смог бы свою силу применить.

Тогда же Константин Острожский предложил,
Собор на Западной Руси созвать,
Чтоб народ на нём всем миром объявил,
Что папу Римского не будет признавать.

А далее князь предлагает,
Народа силу воинскую показать,
Для этого он тысяч двадцать обещает,
Совместно с протестантами собрать.

Ну и когда король об этом всё узнал,
То обращение всякое он с князем прекратил,
Ну а Сенат за это в бунте князя попрекал
И вскоре князь свою активность умирил.

И после пятилетней подготовки,
И яростной двухлетней обработки,
Король решает оборотней в Рим послать,
Чтоб православным униатство навязать.

Для этого он Потия с Терлецким в Ватикан отправил,
И с радостью в Сенате заявлял,
Что папе Римскому он русских присягать заставил,
Да манифест «соединения церквей» он им опубликовал.

Народ не мог коварство это пережить
И православный требовал собор созвать,
Чтоб сана заговорщиков лишить,
И всех предателей на православный суд отдать.

Но в Риме оборотней приняли прекрасно,
И курия желания их исполнять старалась,
Их как гостей обслуживала первоклассно,
И в замке жить им рядом с папой полагалось.

Когда понтифику они все полномочия вручили,
И документы униатские они с «артикулами» сдали,
То через месяц в Ватикане их принять решили,
И встречи скорой с папой Потий и Терлецкий ожидали.

Когда же папа дело всесторонне изучил,
И с кардиналами коллегиально разобрался,
То сам об унии настолько размечтался,
Что, в зал Константиновский обоих оборотней пригласил.

Когда на троне их Климент Восьмой встречал,
То гости разом перед папой пали ниц,
За тем гость каждый туфель папский лобызал,
И не скрывая радостных от счастья лиц.

Совместно с «просьбою смиренной» к папе обратились,
Чтоб их несчастных в лоно церкви католической приняли,
Да под главенством папы Римского они объединились,
И вместе церковью единой христианской стали.

За тем речь папский секретарь держал.
Послов за унию он радостно благодарил,
И папу Римского особенно хвалил,
За то, что в лоно католическое Русь принял.

В ответ послы старались папе в преданности клясться,
А чтобы свою верность доказать,
И в лучшем свете перед папой оказаться,
Решили за владык всех Западной Руси присягу дать.

Потом они все догмы католичества признали,
И на Евангелии всё это подтвердили.
Ну, когда же «символ веры» подписали,
То благословение от папы Римского Клементя получили.

А на прощанье папа обратным объявил,
Что им собор необходимо в Западной Руси созвать,
И чтоб на нём, народ российский подтвердил,
Что он желает папе Римскому присягу дать.

Вот так вот оборотни веру православную предали,
И перед папой жалко лебезить старались.
Как иудеи Господа Христа на суд отдали,
Так и они от веры своих предков отказались.

Когда же папа обратней в Краков провожал,
То приказал своё письмо им Сигизмунду передать,
В нём он монарха страстно убеждал,
Терлецкому и Потю усердно с униатством помогать.

Принять, что в Риме было сделано послами,
И на соборе нужно русских убедить,
Чтоб папе Римскому они присягу дали,
И унию всем православным объявить.

И сразу окружную грамоту Рагоза издаёт,
Что в Западной Руси собор он открывает,
И приглашает благоверный на него народ,
И в Брест восьмого октября всех на собор он созывает,

Но униаты дату ложную народу объявили,
Ведь с православными они полемики боялись,
И раньше в церкви Николая они всех, обманув, собор открыли,
И на соборе не восьмого, а шестого октября они собрались.

Чтоб на соборе тайно унию свою провозгласить,
И с православными ни что не обсуждать,
Да за народ российский всё решить,

И фактом унию свершившимся считать.

Для этого в соборе Николая,
Помимо оборотней ренегатов,
Собралась публика, католиков, большая,
И в большинстве своём, от Ватикана делегатов.

А чтоб законность государственная соблюдалась,
Сам канцлер Лев Сапега на собор прибыл,
А с ним литовский гетман Радзивил,
И на соборе всё с их помощью решалось.

Но оборотням прежде патриархи заявили,
Что не имеют право они с унией вопрос решать,
И на собор по просьбе братств они решили,
В Брест представителя из Константинополя послать.

И на собор экзарх Никифор был отправлен,
Но, по указу Сигизмунда, на границе в плен попал.
Он был «турецким ставленником» королём объявлен,
Но из тюрьмы Никифор с помощью мирян бежал.

И сам, скрываясь, от поляков в Брест прибыл,
С ним также тайно на собор пробрался,
Экзарх – Александрийский, праведник Кирилл.
И вместе с ним он под защиту казацкой оставался.

Тогда лавиной в Брест все православные стекались,
И братства Львова, Киева, Владимира и Минска,
А также Луцка, Вильно, Полоцка и Пинска,
Со всеми вместе на собор из Западной Руси съезжались.

Но униаты православных на собор не приглашали,
Тогда к Рагозе делегацию они послали,
Чтоб на собор их представителей впустили,
Но от него ответ они не получили.

Тогда экзархи патриаршие к Рагозе обратились,
Чтоб с проведением собора разобраться,
Но ренегаты отвечать не торопились,
И так же без ответа им пришлось остаться.

А на другой день православные узнали,
Что униаты на соборе заседают,
И что с экзархами они общаться не желают.
А узаконить униатство Риму обещали.

Тогда экзархи предложили,
Собор поместный православный свой созвать,

И на собрании единогласно все решили,
Свою оценку униатству на соборе дать.

Но Потий приказал все церкви православные закрыть,
Тогда им протестанты предложили,
Собор в молебном доме протестантов им открыть,
И сразу об открытии собора православного они всем объявили.

И как положено по каноническому праву,
Все на духовную и светскую часть разделились,
Ну и как только, обе группы по соборному уставу,
В своих решениях полностью определились.

Вердикт свой вынес православнейший собор,
Анафеме церковной униатов всех предать,
А также вынес он всем ренегатам приговор,
На суд народа оборотней за предательство отдать.

Когда же униаты поняли, что просчитались,
Завлечь к себе Острожского с архиереями решили,
И в пользу унии их агитировать пытались,
Ну а собор их, «сходкой несогласных» объявили.

Ну и как только Пётр Скарга не старался,
Архиереев с князем в униатстве убедить,
В итоге с носом собственным иезуит остался
И не сумел желаемое получить.

За тем к себе их Радзивил с Сапегой пригласили,
И узаконить унию им предлагали,
Ну а в конце гостям монаршую волю объявили,
Тогда послов от православного собора королю послали.

Когда ж послов на совещанье пригласили,
То их король со злобой укорял,
За то, что на собор они все под охраною прибыли,
И что, собор, «турецкий ставленник» Никифор возглавлял.

А далее король послов стал убеждать,
Что турки Речи Посполитой угрожают,
А православные их «сходкой несогласных» поощряют,
И предложил им, ради мира унию принять.

Но короля шантаж турецкий провалился,
Обычную дешёвкой оказался,
Так ни чего король в итоге не добился,
И с провокацией своею просчитался.

В итоге навязать король им унию не смог,

И получил решение собора от послов в ответ,
Что, исполняя перед Господом свой православный долг.
На унизительное униатство Ватикана – нет.

Тогда Рогозе указания от короля пошли,
Дела все с унией скорее завершать,
Но чтобы все богослужения «за соединения христиан» прошли,
И папе Римскому все стали присягать,

Когда ж собор свой униаты завершили,
То королю на утверждение, его решение подали,
Но к королю и православные своё решение послали,
Чтоб так же и решение православного собора, утвердили.

И вскоре Сигизмунд всем объявил,
Что он решения соборов разобрал,
И то, что он, своим законом униатство утвердил,
Да под защиту королевской власти ренегатов взял.

Так «уния иезуитская» реальной стала,
И принесла с собой лишь ненависть и страх,
Но в ней, «духовного союза» не хватало,
В итоге недоверие и злобу получил монарх.

Поняв, что унию народ не признаёт,
Коварно отомстить экзарху Сигизмунд желает,
Он пропаганду яростно ведёт,
Что будто к бунту всех Никифор подбивает.

Когда экзарх был Сигизмундом арестован,
То в крепость Мальборк был доставлен,
Там сразу был он в кандалы закован,
И сразу акт ему был обвинительный предъявлен.

Но судьи показательно его судить не стали,
А в чепухе нелепейшей пытались обвинять,
Они его врагом католицизма называли,
И нагло начали экзарху заявлять,

Что не экзарх он патриарший, а «шпион турецкий»,
И тайно сведения в Константинополь посылает,
а по деяниям своим он самозванец светский,
И в Польше к бунту православных призывает.

Но за экзарха Константин Острожский заступился,
Тогда все обвинения фальшивыми признали,
Когда же фарс судебный провалился,
И на суде экзарха оправдали.

Как только судья на суде решение объявили,
То сразу же с Никифором Острожский распрощался,
Ну и когда отъезда князя суд дождался,
То сразу же экзарха в замок Мариенбургский заточили.

В тюрьме над ним жестоко издевались,
И в дикой злобе яростно его пытали,
Безбожно, оборотни над экзархом изощрялись,
Ведь получить его раскаянье они любым путём желали,

Но как жестоко над экзархом оборотни не глумились,
Никифор верным православием остался,
Желаемого от него иезуиты не добились,
В итоге он в тюрьме от голода скончался.

Когда о гибели Никифора на Западной Руси узнали,
То весь народ от новости кошмарной ужаснулся,
В церквях экзарха как героя поминали,
А православный мир от шока содрогнулся.

Ведь он, указы патриарха выполняя,
На Западной Руси смог православие отстоять,
И волю русского народа исполняя,
За веру предков, жизнь свою решил отдать.

А униаты под защитой королевской всё нагнали,
И всё имущество церковное у православных отнимали,
И до того, они во время грабежей зверели,
Что прихожан обычных; дико избивали.

И даже лавру Киевскую униаты попытались,
У православных силой захватить,
Но киевляне дружно постарались,
Их нападение подлое отбить.

И в зобу они даже на магнатов православных нападали,
И их имения пытались разорять.
Деревни подло их все ночью поджигали,
И скот крестьянский нагло угонять.

Но русские не думали сдаваться,
И не желали веру предков предавать.
А вынуждены были мужественно защищаться.
И за родную веру православную страдать.

Конечно, силой что-то униатам удалось добиться,
Но православие на Руси им не дано сломить,
Их авантюра будет ещё долго длиться,
Но веру предков папе не удастся подчинить.

Часть III

На этом князь рассказ свой завершил,
И получить ответ от самозванца пожелал,
Насколько действовать серьёзно он решил,
И дальше с ним беседу продолжал:

«Дела с тобой духовные мы разобрали.
И о Борисе удалось мне много от тебя узнать,
Но чтоб мечты твои о троне царском исполняться стали,
Ты должен полностью осознавать.

Чтоб у тебя задуманное получилось,
В своей удаче ты не должен сомневаться,
И чтобы всё желаемое до конца осуществилось,
Тебе со всеми надо будет соглашаться».

Тогда Лжедмитрий начал князя убеждать,
Что у него должно всё получиться,
Он ради трона, душу дьяволу готов продать,
И будет рад хоть с чёртом обо всём договориться.

На это князь отреагировал невольно,
Неторопливо с лавки встал,
На самозванца посмотрел довольно,
За тем, подумав несколько минут, сказал:

«Противник у тебя серьёзный,
Но стоило б тебе понять,
Пожалуй, только Иван Грозный,
С Борисом мог бы совладать,

А посему друг верный мой,
Тебе в борьбе сей благородной,
Путь предстоит пройти большой,
Чтобы тебе на царский трон взойти достойно.

Бориса разом не сломать,
Нам нужен мощный покровитель,
Могучий сильный повелитель,
Тебя всегда способный поддержать.

Но прежде надо всё осмыслить,
Во всём подробно разобраться,
Необходимо всё предвидеть,
Нельзя нам в этом деле просчитаться.

Тебя в беде мы не оставим,
На днях с друзьями соберусь,
Послание к королю составим,
И к Сигизмунду с ним я обращусь»

От этих княжеских речей,
Лжедмитрий воодушевился,
А чтобы дело прояснить скорей,
Подумав, к князю обратился:

«Я Сигизмунда уважаю,
Захочет ли он мне помочь,
И не погонит меня прочь,
Ведь я его совсем не знаю».

Князь ухмыльнулся удивлённо,
Он всё прекрасно понимал,
И призадумавшись невольно,
Сам про себя так рассуждал:

«Когда Борис власть получить хотел,
Ни с чем не думал он считаться,
Хотя на царский трон он, права не имел,
Сумел, однако, на него взобраться.

Но главные интриги впереди,
Похоже, их недолго ему ждать,
И как сумеет он их обойти,
И трон Московский силой удержать.

Ведь объявился Гришка не случайно,
Его как надо кое – кто настроил.
В Речь Посполитую направил за тем тайно,
Чтоб он здесь смуту подлую готовил.

Что он и делает, «царевичем» назвавшись,
И всем пытается внушить,
Что он, сын Грозного и наглости набравшись,
Себя наследником желает объявить.

Так что Бориса ждут лихие времена,
И за свои позорные деянья,
От жертв казнённых им, получит всё сполна,
Во сне кошмарном он увидит их стенания.

В Московии к тому же третий год,
Свиристует жестокий голод страшный,
Смерть беспощадно косит весь народ,
Готовя рок ему ужасный.

Треть государства в муках вымирает
И по дорогам, что к Москве ведут,
Мертвечину собаки не съедают,
И люди заморённые бредут.

В такую тяжкую и страшную годину,
В районах разных и окраинах Московских,
Слуга, служивший раньше господину,
Теперь участвует в восстаниях холопских.

И чтоб восстанье силой подавить,
Борис стрельцов надёжных посылает,
А чтобы дух мятежников сломить,
Бунтовщиков голодных всех безжалостно карает.

Похоже, время действовать настало.
Сейчас судьба Борису изменяет,
Да и звезда его на небе затухает,
Бездействовать нам явно не пристало».

При этих мыслях князь взбодрился,
И к самозванцу обратился:
«Тебя волнует, что король нам скажет,
Его не сложно заинтриговать,
Что делать нам, он нам сам укажет,
Его не надо долго убеждать.

Ведь Сигизмунд давно мечтает,
Сурово говорить с Москвой,
Но мирный договор мешает,
Ему вступить в смертельный бой,

Сей договор, коварно навязал,
Коронный гетман Ян Замойский,
Тогда ему усердно помогал,
Бориса прихвостень Острожский.

И чтобы договор порвать,
Король на многое пойдёт,
И станет рьяно помогать,
Когда наш замысел поймёт.

Я думаю, волнения напрасны,
И нам с тобой не стоит сомневаться,
И полагаю, всё пойдёт прекрасно,
Пора нам важным делом заниматься.

А чтоб ни кто не смел подозревать,

Что стал ты «Дмитрием» именоваться,
Кого-нибудь нам надо подыскать,
Дабы «Отрепьевым» он пожелал назваться.

Ну а пока разыгрывать больного продолжай,
Когда же дворя вся сюда придет,
То ловко умирающего разыграй,
Она ж тебя в палаты отнесёт.

А для скорейшего «выздоровления»,
К тебе врача я своего приставлю,
Да дело наше так обставлю,
Чтобы ни что не вызывало подозренья.

Ну а пока врач «Дмитрия лечил»,
И все судачили, как бедный он страдает,
В народе кто-то слух распространил,
Что сына Грозного князь у себя скрывает.

Тогда у князя полный был набор,
Один Лжедмитрий – редкостный мерзавец,
Мечтавший выкрасть власть как подлый вор,
Второй «Отрепьев» – Леонид, лжесамозванец.

И окружённый, княжескою свитой,
Лжедмитрий получал, чего хотел,
А слух о нём по Речи Посполитой,
Быстрее ястреба во все концы летел.

Но вскоре самозванец «излечился»,
Его деянья были не напрасны,
Пока, что он не многого добился,
Но будущее виделось ему прекрасным.

Его теперь прислуга окружает,
Расшаркиваясь перед ним пристойно,
Сам князь его везде сопровождает,
и величает «Дмитрием царевичем» достойно.

Такой момент негоже упускать,
И чтоб желанья своего добиться,
Задумал он собрать большую рать,
И с ней войти в престольную столицу.

И вот тогда Лжедмитрий и решил,
В поход свой казаков из Малороссии завлечь,
И к ним он Лжеотрепьева отправить поспешил,
С посланьем «царским» к запорожцам в сечь.

Когда казаки «царского» посла приняли,
И начали послание его читать,
За тем они казачий круг собрали,
И начли его всем кошем обсуждать.

В послании подробно говорилось,
Что он «Димитрий» сын царя Ивана,
Став жертвой подлого обмана,
Восстановить желает справедливость.

И посему «царевич» предлагает,
С ним вместе на Москву идти,
Да с крымским ханом полагает,
Им всем объединиться по пути.

Казаки разом обомлели:
«Негоже нам такое предлагать»,
За тем все вместе зашумели,
И стали возмущённо рассуждать:

«Когда все православные желают,
Скорее от врагов освободиться,
И все на Западной Руси мечтают,
С единоверцами в Москве объединиться,

Нам чёрте – что «царевич» предлагает,
Не будем мы с Москвою воевать,
Да за кого всех нас он принимает,
и как всё это надо понимать?»

Тогда ж ответ гонец и получил,
В нём говорилось, что их атаман,
Ещё три дня назад тому решил,
Отправиться в поход на басурман.

И что «царевичу» они помочь не смогут,
Ну а его письмо они к донцам доставят,
Донские казаки ему помогут,
Они с Борисом уж давно не ладят.

Ну и когда письмо на Дон попало,
То сразу Тихий Дон весь закипел,
Казацкая душа запольхала,
И дух мятежный, как набат бунтарский загудел.

Во всех станицах люди собирались,
И «цесаревича» послание обсуждали.
Они понять его старательно пытались,
И меж собою бойко рассуждали:

«Когда Ермак Сибирь завоевал,
То батюшка Иван Васильич Грозный,
Стал относиться к казакам серьёзно,
И волю вечную тогда нам обещал.

Но Годунов донцов не любит,
И казакам не доверяет,
Ей Богу он нас всех погубит,
И постоянно жутко притесняет.

Зачем он крепости в казачьих землях строит?
На Северном Донце и на Осколе,
Какой удар нам Годунов готовит?
Видать конец приходит нашей воле.

Зато «царевич» волю обещает,
В свободе вечной казакам клянётся,
И он получит, всё чего желает,
Костями всё ляжем, ежели придется».

И вот донцы круг войсковой собрали,
На нём решили «Дмитрия царевича» признать,
И в грамоте ответной обещали,
Ему на помощь казаков прислать.

Тогда ж «царевича» все громко стали славить,
Во всех церквях молебен отслужили,
И чтоб письмо «царевичу» доставить,
Они Карелу с Межаковым отрядили.

Но о письме Острожские узнали,
И казаков перехватив,
Послание к «цесаревичу» отняли,
И сразу их с пристрастием допросив,

Острожский с возмущением узнаёт,
Что к самозванцу собираются прийти,
Две тысячи донцов и всякий сброд,
Объединившись с ними по пути.

Князь сразу обомлел,
От новости такой ужасной
И в сих деяньях усмотрел,
Для королевства путь опасный.

Он королю послание срочно шлёт,
И в нём его предупреждает,
Что самозванство к бунту приведёт,

И всем бедой кошмарной угрожает.

Ведь казаки с Лжедмитрием пойдут,
В Московию чтоб смуту там устроить,
И в Западной Руси затеют бунт,
Тогда нам дорого всё это будет стоить.

Ведь русские народ бунташный,
И доверяя извергам безбожным,
Готов идти за ними бесшабашно,
И усмирить их будет невозможно.

Недавно под Москвой бунт подавили,
Его бунтарь Холопко возглавлял,
У нас бунт Наливайко умирили,
Два года в страхе королевство он держал.

И хоть Холопко был в Москве казнён,
А Наливайко был казнён в Варшаве,
Бунт должен быть в зачатие устранён,
Дабы не мог он угрожать державе.

А посему тебе я предлагаю,
Немедля авантюру запретить,
И дело с самозванством я считаю,
Обязаны мы все остановить.

Но отвечать король не собирался,
И об Отрепьеве он слышать не желал,
Как только мог, хитрил и извинялся,
И Вишневецкому ни что не запрещал.

Тогда Острожский Годунову сообщает,
Что самозванец воровские планы строит,
Для этого злодеев собирает,
Да на Москву большой поход готовит.

Царь к Вишневецкому послание своё шлёт,
Чтоб срочно пограничные дела уладить,
И князю далее совет даёт,
С ним вместе мирный договор составить.

Но князь обязан делом доказать,
Что он ни что против царя не затевает,
И что за выкуп крупный обещает,
Ему Лжедмитрия немедленно отдать.

Князь от такого предложения,
Вначале даже растерялся,

Ну а затем вовсю расхохотался,
И рассуждать стал с возмущением:

«Сам с Польшей договор о мире подписал,
И сам его же нарушает,
И вот теперь Борис желает,
чтоб я ему «царевича» отдал.

Забыл, как мои вотчины он разорял,
И Снетию с Прилуками спалил.
Тогда о мире он не помышлял,
Ведь многих слуг моих тогда он перебил.

Ну а теперь царь вдруг о мире размечтался,
И «Дмитрия» заполучить себе желает,
Но в данном случае он крепко просчитался,
Не зря мне крупный выкуп предлагает.

Он думает, что он как царь Иван,
Желает делать всё, чего захочет.
Ведёт себя как дикий басурман,
И рассчитаться он теперь со мной не сможет».

Царю, князь резко в просьбе отказал,
О чём ему в посланье сообщил.
«Царевича» же охранять усиленно всем приказал,
И переписку с Годуновым прекратил.

Напрасно Самозванец с князем ждали,
Скорейшего ответа от донцов,
Тогда они ещё не полагали,
Что князь Острожский сумел перехватить гонцов.

К тому же гетман Ян Замойский,
Во всех делах ему мешает,
И против провокации Московской,
С сенаторами вместе возражает.

Решив, что казаки не отвечают,
Князь Вишневецкий стал предполагать,
Что им помочь казаки не желают,
И вскоре пыл в нём начал затухать.

Однажды князь Адам был у кузена,
И Константину Вишневецкому сказал,
Что он не ожидал от казаков такой измены,
И все надежды с ними потерял.

Тогда кузен Адаму предлагает,

Ему Лжедмитрия отдать,
Его тесть Юрий Мнишек знает,
Как авантюрами умело заправлять:

«Не думай что мой тесть такой простак,
Он сто очков любому даст вперёд,
За дело не возьмётся просто так,
И выгоду всегда во всём себе найдёт.

Я про него тебе всё расскажу,
Он весь в покойного отца,
И безо всякого, тебе я докажу,
Что лучше Мнишека ты не найдёшь ни где дельца.

Его отец из Чехии бежал к нам в Польшу,
При Сигизмунде Августе Втором.
В Моравии не мог он оставаться больше,
Он был за что – то изгнан королём.

Но вскоре в Польше выгодно женился,
Чем в высшей свет себе дорогу проложил,
Когда же с Каменецким породнился,
то чин коронного подкормья получил.

За тем у Мнишека детишки родились,
Отец их к жизни славно подготовил,
Когда же к королю они с отцом явились,
То сразу сыновей обоих во дворце пристроил.

Но вот жена у Сигизмунда умирает,
Его прекрасная Варвара Радзивил,
Король в неистовом отчаянье страдает,
Ведь он Варвару до безумия любил.

И вновь вдовец семью создать желает,
И всё казалось, славно удаётся,
Но прежняя любовь всё затмевает,
И он с женой последней расстаётся.

Желая боль хоть как-то подавить,
Король предался всяким суевериям.
Стал зелья всякие и колдовские травы пить,
И Мнишеки желая заглушить его смятение,

Монарха стали лестью ублажать,
К нему пиритов с колдунами приглашали,
Ему усердно начали любовниц поставлять,
И все его капризы исполняли.

Тогда у Мнишеков способности проснулись,
Они момента своего дождались,
И так активно развернулись,
Что вскоре до монарших ценностей добрались.

Тогда в монастыре красавица жила,
Её Варварой, как и королеву, звали,
И на неё похожа она слишком уж была.
Ну и когда об этом Мнишеки узнали,

В монашку Юрий Мнишек нарядился,
И тайно в монастырь пробрался,
С ней о страданиях Сигизмунда поделился,
И во дворец её доставить тайно постарался.

Король был столь красавицей пленён,
Ведь он о ней, как только мог, мечтал,
И до того был лестью Мнишеков польщён,
Что вскоре Юрий королевским кравчим стал,

А заодно и управляющим дворцом,
От Сигизмунда должность получил,
И будучи доверенным лицом,
К монарху сам Варвару приводил.

Тогда он с братом делал что хотел,
Перед монархом льстиво расстилался,
Влиять на многие дела в стране умел,
И королевскую казну распоряжался.

Но вот монарх совсем уже больной,
Решил друзей своих литовских навестить,
И с приближённой свитой небольшой,
Кишинский замок вздумал посетить.

Там он увидеть шляхту пожелал,
Им несколько советов важных дал,
Тогда же в замке с ними распрощался,
Он в тот же дань в беспмятстве скончался.

Ну и как только ночи Мнишеки дождались,
Набили сундуки добром,
Одеждой, златом, серебром,
И той же ночью выкрасть сундуки все постарались.

И до того два братца обнаглели,
Что схоронить одежды Сигизмунда не осталось,
Так, в кое-что покойного одели,
Что Мнишекам не нужным оказалось.

Тогда скандал ужасный разразился,
И в Польше шума столько понаделал,
Что сейм весь против братьев ополчился,
И после споров, вывод общий сделал.

Награбленное всё в казну вернуть,
А Мнишек за воровство под суд отдать,
Но их зятьёк сумел так дело развернуть,
Что в сейме постарались всё замять.

И Мнишеки так ничего и не отдали,
Обворовать покойного сумели,
И хоть их все за это презирали,
Они плевать на это всё хотели.

Ну а когда монархом Польши Генрих Третий стал,
То Юрий Мнишек не удел остался,
Ну и когда во Франции король скончался,
То король Польский Генрих Валуа в Париж сбежал.

И вот когда трон королевский снова опустел,
То сейм не зная, что от иноземцев ждать,
собравшись, в Кракове в итоге повелел,
монарха Польши из славян избрать.

Тогда в Москву они своё посольство отправляют,
Считая, что Московский царь захочет, их корону Польскую заполучить,
Поэтому они Российскому царю Ивану предлагают,
Монархом Польским в Речи Посполитой быть.

Но если королём он стать не сможет,
То может цесаревича прислать,
Царевичу Ивану Сейм всегда поможет,
Правителем прекрасным в Польше стать.

Но царь Иван иначе рассуждал.
Ведь государь Всея Руси прекрасно знал.
Что о царе Московском Западню Русь всегда мечтала.
Ведь вся она от ига польского страдала

И Господа Христа молила,
Да русского царя просила:
«Иван Четвёртый, царь Московский,
Великий князь Всея Руси,
От шляхты польской и литовской,
Нас ради Господа спаси».

Народ российский понимал,

Что царь Иван всегда желал,
Русь Малую и Белую освободить,
Чтоб навсегда её с Великою объединить.

Но в Речи Посполитой сейм страну правит,
Монарх же властью слабой обладал,
И Сейм всегда служить себе царя по конституции заставит,
Но царь самих поляков за надменность презирал.

Поэтому царю пришлось полякам отказать.
Тогда по поручению Ивана,
Сенаторы всех стали убеждать,
На трон избрать Максимилиана,

Которому Иван Четвёртый предлагал,
Германию объединить с державой Польской,
А Западную Русь царь русский полагал,
Объединить с державою Московской.

Но план царю осуществить не удалось,
Магнаты против немца возражали,
И сейму уступить тогда пришлось,
В итоге Стефана Батория они избрали.

Ну а Баторий Мнишекам ни в чём не доверял,
Как только Юрий не старался,
Монарх его к себе не допускал,
Но через десять лет король скончался.

И Юрий Мнишек разом ободрился,
К монарху новому сумел ключ подобрать,
Ну и когда от Сигизмунда Третьего доверия добился,
То начал должности большие получать.

Вначале Сандомирским воеводой стал,
Да должность старосты во Львове прихватил,
А Самбором так ловко управлял,
Что вскоре экономию всю разорил.

И не смотря на долг большой,
С роскошной жизнью он не расставался,
И вверенной ему от города казной,
Как собственной всегда распоряжался.

И зная, что король желает,
Войну Москве открыто объявить,
А Польский сейм ему мешает,
Его мечту осуществить.

У Мнишека тогда свой план созрел,
Аферу с «Дмитрием» удачно провернуть,
Ведь он при помощи Лжедмитрия хотел,
В войну Речь Посполитую с Москвой втянуть,

А заодно он про себя решил,
«Царевича» с Мариной обручить,
И дочь свою умело убедил,
Царицей на Москве ей русской быть.

И если план его осуществится,
То разом сможет все свои проблемы разрешить,
Тогда сумеет он от короля добиться,
Ему его долги несметные простить».

И Константин Адама убеждает,
Совместно все дела решать,
Для этого Адаму предлагает,
Он Мнишеку Лжедмитрия отдать.

Адам вначале удивился,
Ему план странным показался,
Зато Лжедмитрий согласился,
И срочно к Константину перебрался.

Но порыв князя самозванец оценил,
Ведь он его прекрасно понимал,
С ним нужные вопросы обсудил,
И тут же в обработку его взял.

А чтоб проблем не возникало,
Его князь в дело быстро ввёл,
И с самозванцем с самого начала,
О Сигизмунде Третьем разговор завёл:

«Когда скончался Генрих Ваза,
То без него трон шведский опустел,
Тогда его сын старший Эрих сразу,
Отцовским троном быстро овладел.
За ним внимательно тогда все наблюдали,
И вот когда он управлять страной стал,
Все шведы в ужасе узнали,
Что их король шизофрениею страдал.

Тогда он брата своего Ивана,
В тюрьму в болезненном угаре посадил,
Да в безрассудном подозрительном дурмане,
В нелепостях абсурдных брата обвинил:

«Что на полячке он женился,
И якобы на трон его претендовал,
Ну и тогда же у Ивана сын в тюрьме родился,
И сына Сигизмундом он назвал».

Тогда нелепых действий Эриха боялись,
Его терпеть на троне не желали,
Все от него избавиться пытались.
И королём Ивана видеть все мечтали.

И вот критический момент настал.
Брат короля восстание возглавил,
Он против Эриха всю Швецию поднял
В итоге Эриха, Иван в тюрьму отправил.

Ну и когда по Божьей воле,
Иван корону шведскую одел.
То был Иваном Третьем венчан на престоле,
Народ его в стране благоговел.

Правителем он был как Густав Ваза.
В своих деяниях очень плодовитый.
Дворянству полюбиться сумел сразу,
И как отец его, такой же даровитый.

Ну и когда Иван попал в тюрьму.
Его жена всегда сопровождала.
Екатерина была предана ему.
И вскоре шведской королевой стала.

При этом католичкою осталась.
Ну и когда воспитывала сына своего,
То Сигизмунда убедить всегда старалась,
Что, будучи католиком, добьётся он всего.

Как только Сигизмунд Третий смог корону в Польше получить,
То сразу он решил с соперником Максимилианом разобраться,
Которого сумел Замойский вскоре разгромить,
И вынудил его от трона отказаться.

Но вскоре Сигизмунд стал не скрывая,
Характер свой, своенравный проявлять,
И мнением других пренебрегая,
Себя непогрешимым стал считать.

И неожиданно для всех,
Король к австрийцам потянулся,
И на себя взял столь ужасный грех,
Что от него Замойский даже отвернулся.

Однажды в Ревеле он встретился с отцом,
И заодно с Эрнестом там встречался,
Беседы вёл с австрийским герцогом тайком,
И даже передать корону ему клялся.

Но только если герцог согласится,
Его условия принять,
С ним будет рад король договориться,
И польский трон готов ему отдать.

Когда об этом в Кракове узнали,
То разом все поляки обомлели,
И все они настолько ошалели,
Что больше королю не доверяли.

И даже стали предлагать,
На сейме Сигизмунда допросить,
И все его деяния разобрать,
И всё народу сообщить.

Но шум замять, однако удалось,
Иезуиты Сигизмунда защитили,
Ну и когда на сейме всё в итоге улеглось,
То власть над королём иезуиты захватили.

Поляки поняли, что с Сигизмундом просчитались,
Ему как сыну польки доверяли,
Когда сенаторы с ним в разобрались,
И все его считать германцем в Польше стали.

Ну а когда король Иван скончался,
И вновь трон шведский опустел,
То Сигизмунд наследником законным оказался,
И вскоре шведскою короной овладел.

Тогда он стал в лице одним,
Единственным, в двух разных странах королём.

Но Сигизмунд в Стокгольме не остался,
Он дядьку Карла регентом избрал,
У шведов Карл своим считался,
А сам обратно в Польшу ускакал.

Тогда в Европе шла религиозная война,
Среди католиков она распространилась,
И вскоре протестантская волна,
До Швеции в итоге докатилась.

Протестантизм всех шведов разом охватил,
Тогда и дядя Карл сам протестантом стал,
Ну и когда же Сигизмунд в Стокгольм прибыл,
То всех сторонников своих, он среди шведов растерял.

И сразу же они его от трона отстранили,
Особо его дядя Карл старался,
Как только королевской власти Сигизмунда Третьего лишили,
То его дядя Карл Девятый сразу же на трон венчался.

И Сигизмунд безумно возмущённый,
И мстью жуткой воспалённый,
Решил втянуть свою страну,
со Швецией в проклятую войну.

Но Сигизмунда Юрий Мнишек утешает,
И польскому монарху предлагает,
Москву в войну со Швецией втянуть,
А чтоб ему корону шведскую вернуть.

Он Сигизмунда сумел ловко убедить,
Лжедмитрия «Царевичем» признать,
Ну и затем его на трон Московский посадить.
Но перед этим договор с ним подписать,

Чтоб королю Лжедмитрий обещал,
Когда Московский трон он сможет получить,
Что клятву Сигизмунду на Евангелии он дал,
Войну коварным шведом объявить.

В итоге Мнишек с королём так рассудили,
Ведь авантюра может получиться,
А чтоб она могла осуществиться,
Помочь Лжедмитрию в его делах решили.

Тем более Лжедмитрий обещает,
Русь православную католикам отдать,
И короля иезуиты убеждают,
Лжедмитрия «царевичем» признать.

И самозванца поддержать решил,
Прелат архиепископ Ян Терновский,
Которого умело убедил,
Епископ Плоцкий, Барановский.

Их авантюру одобряет Вишневецкий,
И страстно князя поддержал,
Примас и Польский кардинал,
Архиепископ Мациевский.

И Сигизмунд епископами убеждённый,
И страстным их напором воспалённый,
Решил скорей сенаторов собрать
Чтоб о Лжедмитрии их мнение узнать,
И у сената одобрение получить,
Войну царю Борису объявить.

Но вот когда сенаторы собрались,
И всё на встрече с королём им разъяснили,
Зачем в сенат их срочно пригласили,
Они в ответ лишь дружно рассмеялись.
Авантюристом Мнишека назвали,
И самозванцем Лжедмитрия признали,

Король ни с чем в итоге оказался,
И всё пытался что – то доказать,
Но с мнением сената соглашался,
И авантюрой всё это пришлось признать.

Когда же королю в сенате отказали,
И полным бредом это объявили,
Ну а затею глупой посчитали,
О чём монарху прямо заявили.

То короля интрига захватила,
Она его буквально обуяла,
В нём страсть невольно возбудила,
И главною его мечтою стала.

Тогда монарх решил сторонников искать,
Желая мирный договор с Москвою разорвать,
И всех активно убеждал,
Войну начать с державою Московской,
Но королю упорно возражал,
Коронный гетман Ян Замойский.

И Сигизмунду прямо заявил,
Что авантюрой всё это считает,
И воевать с Москвою не желает,
В чём сенат всех убедил.

Но чтобы всё-таки страну в войну втянуть,
И с самозванцем карту разыграть,
Да всех, желая нагло обмануть,
Князь Вишневецкий стал «свидетелей» искать.

Чтоб все они «царевича узнали»
И в нём «наследника законного признали».

Ну и литовский канцлер Лев Сапега,
Решил стать Вишневецкому в его делах коллегой.

«Свидетеля» Петрушку отыскал,
Который перед всеми начал самозванцу клясться,
Что в детстве довелось им якобы встречаться,
И в самозванце сразу же «царевича признал».

Ну а королю Сапега смог прислать,
Дворян Дубенских-Хрипуновых,
Продаться за полушку сатане готовых,
Он их ещё в Московии сумел завербовать.

Они ему за денежки служили,
И канцлеру, что надо доносили.
Когда же об измене их в Москве узнали,
Все братья впятером в Литву сбежали.
А там, у канцлера остановились,
И вот теперь они ему «свидетелями» пригодились.

И стали нагло Сигизмунду врать,
Что «цесаревича» они все вместе с детства знали,
Да сказки всякие монарху сочинять,
И короля признать авантюриста убеждали.

Когда в Москве сумели новость получить,
Что в Польше самозванец был «царевичем» объявлен,
То чтоб племянника во лжи разоблачить,
Смирнов-Отрепьев в Краков был отправлен.

Он о племяннике своём все должен разузнать,
И самозванца перед всеми обличить,
Да в Кракове Отрепьева публично отчитать,
Чтоб этот беспредел абсурдный прекратить.

Но дядю к самозванцу не пустили,
Его там провокатором назвали,
Во лжи нелепой его вскоре обвинили,
И из страны немедленно изгнали.

Король потребовал Лжедмитрия к нему позвать,
Чтоб самозванца расспросить,
Его желания конкретные узнать,
Да всё что надо с ним подробно обсудить.
Когда же в замок Вавель самозванец был доставлен,
И королю «царевичем» представлен.

То самозванец к Сигизмунду робко подошёл,
Монарху молча, поклонился,

К его руке губами приложился,
Да с королём умело разговор завёл.

И начал Сигизмунда нагло уверять,
Что он «царевичем» себя считает,
И как «наследник царский» утверждает,
Что народ ему поможет трон занять.

Тогда король из зала самозванца выслал,
И чтобы в аванюре этой разобраться,
Стал с папским нунцием Рангони совещаться,
Ну а затем Лжедмитрия обратно к себе вызвал,

И Самозванцу предложил,
С ним договор надёжный подписать,
В котором бы Лжедмитрий подтвердил,
Что должен он союзником монарху Польши стать.

На что ему Лжедмитрий отвечает:
«Когда он трон сумеет получить,
То целью главной своею он считает,
Помочь полякам шведов вероломных разгромить».

А также самозванец обещал,
Монарху земли до Смоленска все отдать,
И земли Северские с городами даровал,
А Папу Римского отцом всех христиан признать,

Его главою русской церкви объявить,
Да Ватикану православие подчинить,
И всё на что король претендовать пытался,
С ним самозванец льстиво соглашался.

Тогда все были сделкою довольны,
Лжедмитрию король всё разрешал,
И Сигизмунд негласно добровольно,
Деяния самозванца поощрял.

И Юрий Мнишек сразу же воодушевился,
Ведь Сигизмунд в свой договор включил,
Чтоб на полячке «русский царь» женился,
И под присягой это подтвердил.

Но чтобы помощь и от Рима получить,
И полное доверие заслужить,
Стал Мнишек самозванцу объяснять,
Что надо так же с Ватиканом всё решать.

Для этой цели он Рангони подключил,

Он самозванца сразу убедил,
Католицизм ему принять,
Да Папе Римскому слугою верным стать.

При этом самозванец понимал,
Что, став католиком, он православие предавал,
И всех своих российских земляков,
А заодно донских и запорожских казаков,

Когда у Мнишека всё получалось,
То в нём безумно алчность разгоралась,
Тогда он с самозванцем договор составил,
И нагло шантажом его заставил,

Ему на верность клятву дать,
И в договоре обещать,
Что на Марине должен он жениться,
А чтоб желаемого от него добиться,

И так же в договоре Мнишек настоял,
Чтоб самозванец нём сам дописал,
Коль не исполню волю я твою,
То на «проклятельство я себя даю».

А также Мнишеку ещё он обещал,
Все земли Северские и Смоленские отдать,
И вот когда своими Мнишек их считал,
На эти земли стал король претендовать.

Тогда чтобы им проблему миром разрешить,
И короля не раздражать,
Пришлось монарху уступить,
И половину всех земель ему отдать.

Тут Юрий Мнишек как бы рассердился,
И сразу от Лжедмитрия добился,
Чтоб он ему миллион злотых даровал,
Ну а Марине предлагал.

Великий Новгород и Псков в удел отдать,
Чтоб как княжна могла она уделом этим управлять.
А также Мнишек домогался,
И от Лжедмитрия упорно добивался,

Чтоб через год Русь с православием порвала,
И католичество признала,
Да Папу Римского главою объявила,
И Ватикану патриарха подчинила.

Но если царь Московский нас обманет,
Иль дело будет медленно плестись,
И за два года католическою Русь не станет,
С царём Марина сможет развестись.

Удел при этом за Мариной остаётся,
Его хозяйкой будет лишь она,
Земля ей в вечное владенье достаётся,
Москва уделом править не должна.

Она сама уделом будет править,
Католицизм везде распространять,
Своих людей правителями ставить,
И в страхе жутком весь народ держать.

Марина самолюбием страдая,
Себя безумно обожала,
При этом русское всё презирая,
Московскою царицей стать мечтала.
Желая власть в России захватить,
Да всё своей гордыне подчинить.

Ну а король всегда двуличием страдал
Он с Мнишеком коварно планы строил.
За мир с Москвой открыто выступал,
А сам на деле всё к войне готовил.

Магнаты в Польше всё о Сигизмунде знали,
И на Москву в поход не собирались,
Ну и литовские магнаты отказались,
И авантюру Мнишека к чертям послали,

Король прекрасно понимает,
Что обмануть Сенат не удаётся,
И Мнишеку в итоге заявляет,
Что армию с наёмниками им нанять придётся,

И Мнишек Сигизмунду обещает,
Наёмников Лжедмитрию набрать,
И денежки потратить убеждает,
Те самые, которые сумел он промотать.

Он жизнь себе прекрасную устроил,
И безрассудно постоянно шикавал,
Ну и когда он средства Самбора себе присвоил,
То все их очень быстро промотал.

Но так как денег вечно не хватало,
То Мнишек начал кредиторов уверять,

Что вскоре их победа ожидала,
И стал доход огромный им всем обещать.
И вот в наёмники всех Мнишек приглашает,
И простаков желая заманить,
В победе скорой их всех убеждает,
И крупно обещает заплатить.

И чтоб наёмников Лжедмитрию набрать,
Везде отправил Мнишек зазывал,
Стал лагерь возле Львова создавать,
И в нём он наёмников со всей страны собрал.

Среди желающих идти в поход,
Немало было недовольных москвитян,
Да польских разорившихся дворян,
А также всякий уголовный сброд,

Которым было на Лжедмитрия плевать,
Но кроме мародёров и воров,
Завлечь решили запорожских казаков,
И стали их активно приглашать.

Но запорожцы в самозванце сомневались,
И Мнишеку об этом прямо заявили,
В Москву идти с наёмниками отказались,
И в море Чёрное к турецким берегам уплыли.

Ну а кормить весь этот сброд,
Заставил Мнишек крепостных крестьян,
Да возложил заботы на простой народ,
И проживавших рядом с лагерем мирян.

А денежки что Мнишек в долг набрал,
Напрасно тратить не особенно хотел,
В Москве с наёмниками рассчитывать обещал,
И собираться им в поход велел.

Наёмники оплаты и не ждали,
Они богатых находили горожан,
На них они внезапно нападали,
И львовских грабили мещан.

Когда же дело до убийств дошло,
То население Львова возмутилось,
И в Краков представительство пришло,
Да к Сигизмунду с просьбой обратилось:
«Немедленно наёмников из города изгнать,
Ну а грабителей на королевский суд отдать».

Король, услышав львовских горожан,
Воспринял просьбу их не очень – то желанно,
Молчал и слушал их как неподвижный истукан,
И вёл себя при этом очень странно.

За тем задумался надолго,
И обещал Львов от грабителей избавить,
Ну а преступников накажет очень строго,
А всех наёмников в Московию отправить.

А чтоб побоища во Львове избежать,
Да успокоить перепуганный народ,
И гнев его на своей шкуре испытать,
Пришлось Лжедмитрию отправиться в поход.

Желая, в армии порядок навести,
И руководство высшее избрать,
Всех Юрий Мнишек приказал собрать,
И смотр военный в Глинах провести.

На нём командующим Мнишека избрали,
И руководство ему выбрать предложили,
В итоге Мнишеки родню свою собрали,
И должности все между собою поделили.
И это сборище, шокируя народ,
Отправилось в Московию в поход.

Тогда ж на Дон письмо с мольбой дошло,
Прислать к «царевичу» на помощь казаков,
То самозванцу до безумья повезло,
Когда к нему пришло две тысячи донцов,
В бою «царевича» готовых защищать,
Да за казацкую свободу жизнь отдать.

Ну исобою привезли они Петра Хрущёва,
Его на Дон Борис прислал,
Чтобы его по воле Годунова,
Казацкий круг своим главой признал.

Когда казаки это услышали,
То все ответ лишь дружно рассмеялись,
Посланца царского связали,
И к «цесаревичу» доставить постарались.

Лжедмитрий яростно Хрущёва допросил,
И от него сумел признание получить,
Что Годунов Хрущёву поручил,
Донцов к войне против «царевича» склонить.

Тогда Лжедмитрий, в трусости Бориса обвинив,
Комедию умело разыграл,
Да все слова Хрущёва извратив,
Ссылаясь на его допрос, всех уверял,

Что Шереметьев стал Хрущёва убеждать.
Когда взойдёт «царевича» заря,
То «против прирождённого государя».
Борису будет «трудно воевать».

А далее Лжедмитрий сочинил,
Что царь Смирнова и Булгакова казнил,
За то, что «Дмитрия» они хвалили,
И в своём доме за его здоровье пили,
Но продолжали дальше дьяками служить,
И даже самозванца пережить.

Тогда Лжедмитрий в раж вошёл,
И вралей всех известных превзошёл,
Он всем открыто объявил,
Что царь Борис свою сестру убил.

За то, что якобы она «царевича» признала,
И брату это прямо заявила,
Да будто бы она за это пострадала,
И жизнью собственной за «правду» заплатила.

За этим сборищем Острожский наблюдал,
Войны с Москвою, не желая,
И всё, с Замойским обсуждая,
Он воинов две тысячи собрал.

И самозванцу прямо заявил,
Его войска, он через Днепр не пропустит,
Да короля предупредил,
Что самозванца он к границе не допустит.

Острожский яростно желал,
Весь этот сброд поганый истребить,
Ну а когда же о прибытии донцов узнал,
То не сумел свой план осуществить.

Но грабежами заниматься не давал,
Под Киевом войска расположил,
На Дон дорогу самозванцу перекрыл
И в страхе всех наёмников держал.

А чтоб желание своё осуществить
И самозванцу переправиться не дать,

Князь приказал паромы на реке угнать,
Не дав его войскам Днепр переплыть.

Но киевляне и простые мужики,
Как и донские казаки,

«Царевича» московского признали
И быстро переправу навели,
В делах удачи им всем пожелали,
и перебраться через Днепр всем помогли.

За тем войска Лжедмитрия да берега Десны добрались,
Десну удачно переплыли,
Когда же в царствии Московском оказались,
То действовать немедленно решили.

Глава IV «Царь Лжедмитрий»

Часть I

И прейдя Московскую границу,
Через леса решил Лжедмитрий пробираться.
Он сразу не повёл войска в престольную столицу,
А здесь на Северной земле решил пока остаться.

Когда Казань Иван Четвёртый покорил,
То примерить, татар умело постарался,
Им исповедовать всем мусульманство разрешил,
И с этих тех пор, край Северский стал, бурно заселялся.

Южней Смоленских, Северские земли находились,
Ещё южней казачество Донское основалось,
Со всех концов сюда все угнетённые стремились,
И голытьба бунтарская стекалась.

Тогда сюда всю чернь опальную ссылали,
С наказом их в казаки записать,
И жизнь свою мятежники Холопка здесь спасали,
Желая после бунта смерти избежать.

Сюда же многие от голода бежали,
Надеясь здесь хоть как то прокормиться,
Свои места насиженные покидали,
Чтоб здесь с семьёй навечно поселиться.

Другие же, от польской и литовской кабалы скрывались,
Здесь было много беженцев из Львова,
Из Белостока, Минска, Могилёва,
Все те, кто тайно переплыть Десну решались.

Тяжёлая судьба их всех сюда манила,
Немало в жизни им пришлось страдать,
И так их жизнь невзгодами лихими закалила,
Что в тяжком горе их всех научила выживать.

Нужда ужасная их вместе всех объединяла,
И помогать они друг другу все старались,
И до того судьба их дружбу закаляла,
Что, все они в надёжности своей не сомневались.

Но так как государевых дворян здесь было мало,
Сюда своих лазутчиков Лжедмитрий засылал,
Их агитация за «доброго царя» чернь возбуждала,
Ведь он народу жизнь прекрасную в России обещал.

Тогда поляки самозванца убедили,
«Письмо прелестное» народу написать,
И всем лазутчикам подробно разъяснили,
Как письма с хлебом им через Десну переправлять.

В своих «прелестных письмах» самозванец утверждает,
Что Годунов трон у «царевича Димитрия» украл,
В них он царя, во всех страданиях народа обвиняет,
Ведь захватив трон, он страхе весь народ держал.

И всех кто, хоть немного в этом сомневался,
За это жизнью в страшных муках заплатил,
А чтоб народ простой не возмущался,
Его ужасным голодом трёхлетним заморил.

И самозванец далее предупреждает,
Что Годунов готов всех ради своей власти погубить,
Но трон вернуть наследнику законному не пожелает,
Но не позволим мы царю Борису нас сломить.

Для этого должны мы все под знамёном «царевича» собраться.
И «доброму царевичу Димитрию» присягу дать,
Что будем за «наследника» царя Ивана мы сражаться,
Пока не сможет он «свой» царский трон занять.

Ну и когда «царевич Дмитрий» на свой трон взойдёт,
То жизнь счастливую создать всем обещает.
И радость ждёт тогда измученный народ.
Ведь нас, «законный царь » от всех злодеев защищает.

Тогда приход «царевича» низы народные нетерпеливо ждали,
И вскоре самозванец от лазутчиков своих узнал,
Что взбунтовать народ, опальные холопы обещали,
Которых как врагов неистовых, Борис сюда ссылал.

На них «царевич» может положиться,
При этом самозванец понимает,
Что только с ними сможет он всего добиться,
И помощь получить от них желает.

Пока Лжедмитрий с армией в лесу скрывался,
То с атаманом Белешко письмо своё в острог отправил,
Ну и когда до Монастырского острога атаман добрался,
То жителям письмо от «Дмитрия царевича» доставил.

И заодно их всех предупредил,
Что «цесаревич» с силами огромными идёт,
Да жителям острога пояснил,
Что должен встретить радостно его народ.

Тогда же в городке восстание подняли,
Да воевод Лодыгина и Толмачёва захватили,
И к казакам их связанных отдали,
А самозванца с Мнишеком в острог впустили.

А вскоре и Чернигов взбунтовался,
И власть «законного государя» стал признавать народ,
Когда же и в среде служилых начался разброд,
То без поддержки воевода, Татев князь остался.

Но князю в замке со стрельцами удалось укрыться,
Помочь бунтовщикам взять замок, казаки решили,
Когда ж, стрельцам картечью удалось от них отбиться,
То весь посад казаки в злобе разгромили.

Но удержать князь замок не сумел,
Среди защитников измена началась,
Мятежный дух «царевича» их одолел,
И крепость неожиданно сдалась.

Бунтовщики служилых воевод схватили,
И самозванцу Татева и Шаховского сдали,
А с ними Воронцова – Вельяминова отдали,
И дать присягу самозванцу предложили.

Но Воронцов не пожелал расстриге присягать,
Тогда Лжедмитрий приказал его убить.
И устранив дворян, заставил их себе присягу дать,
А остальным, всем приказал «царевичу» служить.

За тем он из Чернигова на Белгород пошёл,
Но на развилке самозванец новости хорошие узнал,
Тогда он, к Новгороду – Северскому армию свою повёл,
И город захватить наёмникам он приказал.

И Новгороду – Северскому он предлагает сдаться,
Но город основательно Басманов укрепил,
Он стал отчаянно от самозванца отбиваться,
Но крепость гарнизон умело защитил.

Тогда наёмники решили город силой взять,
И основательно к его осаде приступили,
Когда же вскоре они стали город штурмовать,
То и генеральный штурм его защитники отбили.

Тогда в уныние неудача самозванца привела,
Он все надежды о мечте своей терял,
Она его чуть было до истерики не довела,

Тогда он всех наёмников за трусость проклинал.

Но и наёмники страх дикий испытали,
И начали между собою обсуждать,
Что ни чего подобного они не ожидали,
И ни чего хорошего не стоит им здесь ждать.

И вот когда все предлагали отступить,
И снять осаду с города решали,
То самозванец приказал решение отменить,
Тогда пришло известье, что мятежники ему Путивль сдали.

Ведь кто, Путивлем с каменною крепостью владел,
Тот под контролем мог все города окрестные держать,
И власть огромную, над всею Северной землёй имел,
Тогда Лжедмитий стал, надёжным тылом обладать.

Когда в Путивле о восстании в Чернигове узнали,
То и в Путивле «цесаревича» народ простой признал,
Ну а когда же и служилые их люди поддержали,
То боярский сын Беззубцев, чернь на бунт поднял.

Да воевод Масальского и Салтыкова захватили,
Ну а когда, Лжедмитрия они Отрепьевым назвали,
То их врагами «цесаревича» обоих объявили.
И самозванцу сразу связанных отдали.

Тогда ж к Лжедмитрию Сутупов дьяк бежал,
Ему в Путивль царь казну доставить поручил,
Чтоб он её всем воеводам северским раздал,
Но он, казну Лжедмитрию под барабанный бой вручил.

Ну а затем и Рыльск с Курском Лжедмитрия признали,
И вскоре вся Комарицкая волость ему стала присягать,
Ну, когда мятежники и в Кромской волости восстали,
То чернь пыталась и в Оле всех взбунтовать.

Но жителей Орла не удалось смутить,
Народ стал в самозванце сомневаться,
Тогда чтоб на Москву дорогу через Тулу захватить,
В Орёл отряд из кромских мужиков решил прорваться.

Но под Орлом Микулин с Михневым отряд их ждали,
Они умело сотнями дворянскими руководили,
Да мужиков мятежных наголову разгромили,
И дальше от Орла их всех прогнали.

Ну а Басманов, Новый город – Северский не сдал,
За что его защитников царь щедро наградил,

Но самозванец город осаждённый обстрелял,
Из пушек тех, что он в Путивле захватил.

В итоге стены города с обвалом земляным сровняли,
Ведь канонада более недели продолжалась,
Но в городе бунт самозванца воеводы подавляли,
И крепость непреступной оставалась.

Через два месяца войска дворянские Борис собрал,
Мстиславского командовать на думе утвердил,
И сразу к Новгороду – Северскому всю армию послал,
Чтоб князь дворянскими войсками самозванца разгромил.

Когда московские войска бой дать Лжедмитрию решили,
То обе армии друг против друга стали,
Но наёмников атаковать московские дворяне не спешили,
А только указаний нерешительного князя ждали.

Тогда Басманов по наёмникам из пушек стал палить,
И вылазками самозванца отвлекать,
Но не сумел Мстиславский обстановку выгодную оценить,
И преимущество своё не смог понять.

Когда поляки в этом разобрались,
Решительно на правый фланг Мстиславского напали,
И так его стремительно атаковали,
Что в ставку главную Мстиславского прорвались.

И даже флаг большой они сумели захватить,
Тогда князь яростно на ляхов обозлился,
И приказав немедленно их разгромить,
Сам в битву на поляков устремился.

Он ставку удержать от неприятеля пытался,
И продолжал с мечём в ужасной схватке биться,
Поднять на бой примером личным всех старался,
И жизнью не боялся поплатиться.

Когда с коня смогли поляки князя сбить,
Он, в битве яростно врагов своих рубил,
Но подоспевшие стрельцы сумели князя защитить,
Ведь князь пятнадцать ран в той схватке получил.

Когда стрельцы гусаров окружили,
То лишь не многие из них сбежали,
А большинство поляков захватили,
И даже капитана Домарацкого в плен взяли.

В итоге бой не состоялся,

Все воеводы в ситуации подобной растерялись,
Мстиславский слабым командиром оказался,
И поле боя воеводы полностью очистить постарались.

Как только самозванец мнимую победу одержал,
Наёмники у самозванца требовать оплату стали,
Ту самую, которую он в Польше обещал,
Но вновь они в ответ лишь обещание услышали.

Когда наёмники, его в обмане стали обвинять,
То одной он роте тайно заплатить решил,
Но об этом, сразу все наёмники смогли узнать,
Что, самозванец роты остальные обделил.

Тогда мятеж подняв, поляки стали в Польшу собираться,
И слушать больше обещаний самозванца не желали,
И хоть он стоя на коленях умолял их всех остаться,
Они разграбили обоз и лагерь самозванца быстро покидали.

Но, самозванцу до безумия везло,
Когда наёмники, из его лагеря ушли,
К нему четыре тысячи из Сечи казаков пришло,
И даже чернь бунтарскую они с собою привели.

И вот теперь, когда у самозванца армия из черни состояла,
То Мнишек, быть командующим отказался,
Ведь у Лжедмитрия, наёмников осталось слишком мало,
И Юрий Мнишек «по милости царевича» из армии его ретировался.

Тогда Лжедмитрий армию свою на Севск повёл,
За тем осаду с Новгорода – Северского снял,
Да в волости Комарицкой приверженцев своих нашел,
И там вооружённых, чем попало, мужиков набрал.

В итоге армию громадную он смог собрать,
Она вся из простого люда состояла,
И эта вся сермяжная и необученная рать,
Идти на бой за «доброго царя» безудержно желала.

Да воевод захваченных бунтовщики всех к самозванцу отсылали,
И он, под страхом смерти, заставлял их присягать,
Тогда они большие должности у него все получали,
И службу верно все старались ему исполнять.

А тех, кто в нём «царевича» не признавал,
То их любым путём, себе старался самозванец подчинить,
Ну а за тем принять присягу он их сразу заставлял,
Желая так, что он «царевич Дмитрий» их всех убедить.

И это всё Борису доносили,
Поэтому царь высоко за преданность Мстиславского ценил,
Ну и когда Борису о ранении князя сообщили,
Его он о здоровье расспросил,

Да лекаря придворного к нему прислал.
И за победу князя раненного он благодарил,
Тогда командование войском, царь ему лишь доверял,
И на победу скорую Мстиславского благословил.

Тогда приказ Разрядный начал его войско укреплять,
И к нему в помощь князя Шуйского Василия послали,
А с ним московскую, первостатейную всю знать,
Чтобы они все тяготы походной жизни исполняли.

Мстиславский жаждал уничтожить самозванца,
И лагерь свой в Добрыничах разбил,
Чтоб утром у Челмыжского острожка с ним сражаться,
Там где Лжедмитрий свою ставку разместил.

И самозванец свой совет военный созывает,
На нём наёмники переговоры стали предлагать,
Но атаман, атаковать Мстиславского умело убеждает,
И на совете все решили атамана поддержать.

А чтоб дворяне не сумели перед боем отдохнуть,
То в Добрыничах бунтовщики поджечь дома пытались,
Но на подходе стражники их выявить старались,
В итоге им пришлось в свой лагерь повернуть.

И вот войска друг против друга утром встали,
Поляки бой, как и под Новгородом, повторить решили,
И также правый фланг гусары и копейщики атаковали,
И войска Шуйского, не выдержав атаки, отступили.

И сразу конница Дворжецкого к селу азартно устремилась,
Но там стрельцы их залпом пушечным встречали,
В итоге жуткой паникой их авантюра завершилась,
И в истеричном ужасе поляки беспорядочно бежали.

И пехоту собственную без поддержки оставляя,
Но запорожцы с чернью яростно сопротивлялись,
В бою Мстиславскому победу уступая.
Одни они, на поле брани до конца держались.

Ну а Лжедмитрий с ляхами в Чемлыж сбежал,
За тем покинуть лагерь незаметно поспешил,
Он в Рыльск скорее от возмездья ускакал,
Ведь в битве им, проигранной, он запорожцев обвинил,

Но казаки решили самозванца там догнать,
И за товарищей своих в бою убитых отомстить,
Лжедмитрий понял, что ему несдобровать,
И по казакам велел, из всех орудий яростно палить.

Ну а когда московские дворяне победили,
То много мужиков, стрельцов и казаков в плен взяли,
И всех кого они с оружием тогда схватили,
На поле брани вешать сразу стали.

Заняв Комарицкую волость, воеводы,
Узнав, что жители старались самозванцу присягать,
Жестоко расправляться стали над простым народом,
И ненависть Бориса им пришлось всем испытать.

Мучители тогда от злобы озверели,
И над народом жутко издевались,
Ни женщин, ни детей крестьянских не жалели,
И по приказу царскому они все пыткам подвергались.

Тогда не только вся Комарицкая волость ужаснулась,
Ведь злоба царская, такой страх на людей нагнала,
Что вся страна в кошмаре содрогнулась,
И ненависть к царю Борису, жуткой стала.

Но воеводы самозванца не схватили,
И даже лагерь его сжечь не пожелали,
В итоге самозванца после боя упустили.
Ну и преследовать не стали.

За тем Мстиславский к Рыльску подступил,
Но крепость Роща Долгорукий защищал,
Ему тогда Лжедмитрий оборону поручил,
И князь сдаваться, воеводам царским не желал.

Ведь все защитники прекрасно понимали,
Что смерть их за присягу самозванцу ждёт,
И все атаки они мужественно отбивали,
Надеясь, что им всё же, как то повезёт.

И две недели крепость яростно бомбардировали,
Но приступ их защитники смогли отбить,
Тогда осаду воеводы вскоре сняли,
И к Севску сразу же решили отступить.

Когда же главные войска от Рыльска отошли,
То жители арьергард их разгромили,
Удачно вылазку они из крепости произвели,

Да всё имущество оставшееся захватили.

Но царские войска среди враждебной черни оказались,
У них, Чернигов, Кромь и Путивль находились,
И воеводы из опасной зоны вывести свои войска старались,
Да от восставшей черни, армию свою спасти стремились.

Тогда, южнее Северских земель чернь бунт подняла,
И «Дмитрия», Воронеж, Белгород, Оскол, признали,
Но для царя ужасным шоком новость стала,
Когда Царёв – Борисов самозванцу стрельцы сдали.

К тому же неожиданно Борис узнал,
Что воеводы царские, Рыльск отказались штурмовать,
Тогда он дьяка Власьева и Шереметьева послал,
Всем воеводам выговор суровый царский дать.

А чтобы бунт и далее не мог распространиться,
И на две части крепости восставших расчленил,
Да Северским и южным городам не дать объединиться,
Царь Кромь приказал войскам у них отбить.

И Шереметьев для осады пушки получил,
Но стойко крепость атаман Карела защищал,
И многих царских ратников за месяц перебил,
Но Кромь мужественно с казаками отстоял.

Тогда Мстиславский к Шереметьеву спешил,
Он возле Кром решил свой лагерь разместить,
И ночью, крепостные стены города спалил,
Желая, крепость утром штурмом захватить.

Но в цитадель защитники из города ушли,
И все штурмующие под обстрелом оказались,
Все наступающие жуткие потери понесли,
И даже на захваченном валу не удержались.

Тогда боярин Салтыков приказ на отступление всем дал,
Чтоб Кромь артиллерией бомбардировали,
Тогда Мстиславский пушкарям всем приказал,
Чтоб цитадель они с землёю полностью сравняли.

Хотя от города один лишь только ров остался,
Но казаки не думали сдаваться,
Ведь, в подземелье, с ними атаман Карела укрывался,
И все они ему клялись, с ним до конца держаться.

И яростно, казаки против царских войск сражались,
И верили, что вера в «цесаревича» им всем поможет,

Да на смерть обречённые, они отчаянно сопротивлялись,
Ведь за присягу «Дмитрию» их царь всех уничтожит.

Казачьи пояса укреплений под землёй прорыли,
Из глубоких лазов лабиринты прокопали,
Да рвы под внутренним обвалом углубили,
И под землёй, конца обстрела, царских пушек ждали.

Когда обстрелы из орудий прекращались,
Они места в окопах торопились занимать.
И градом пуль, от царских ратников днём отбивались,
А ночью вылазки в их лагерь, старались совершать.

Но гарнизон в боях тяжёлых казаков теряет,
Корела понял, что сложно будет ему крепость удержать,
И атаман «царевича» предупреждает,
Что будет вынужден, без подкреплений Кромы сдать.

Но крепость отдавать Лжедмитрий не желал,
И в Кромы сотника Беззубцева отправил,
Ему на помощь все остатки армии собрал,
Ну а себе, в Путивле небольшой отряд оставил,

Когда Беззубцев к Кромам подошёл,
То караул Мстиславского умело обманул,
Сказав, что подкрепление к князю из Москвы привёл,
И в Кромы беспрепятственно с обозом проскользнул.

Тогда возобновить штурм воеводы отказались,
Когда же атаман Корела ранен был,
То вылазками, беспокоить воевод казаки не решались,
И действия военные Мстиславский прекратил.

Когда Лжедмитрий под Добрыничами битву проиграл,
То он считал, что больше не откуда ему помощь ждать,
Ведь он в истерике, в Путивль от погони прискакал,
Решив, что в Польшу ему надобно бежать,

Когда же горожане о желании Лжедмитрия узнали,
Его остаться «слёзно» начали просить,
Они, «царевичу» как и «Комаричи» активно помогали,
И не хотели участь их, в ужасных муках разделить.

Но самозванец слушать их не очень – то желал,
И оставаться далее в Московии боялся,
И в просьбе им остаться, отказал.
Ведь он, после Добрыничей без армии остался.

Тогда Лжедмитрию повстанцы пригрозили,

Что не позволят ему в Польшу убежать,
И будут силою удерживать его в Путивле,
Пока он не захочет, их решение принять.

В противном случае, челом Борису станут бить,
А чтобы от него прощения добиться,
Придётся «за вину свою, тобою заплатить»,
Дабы с царём в итоге примериться.

И «доброго царевича» народ стал убеждать,
Что он готов ему с оружием в руках служить,
И вместе с ним борьбу с царём Борисом продолжать,
Пока трон царский, он не сможет получить.

Тогда он после рассуждений сложных,
Остаться в городе решил,
И после вариантов всевозможных,
Продумав всё, как следует, предположил,

Что если всё – таки он в Польшу убежать сумеет,
То станут все над ним там жутко издеваться,
Ну и сенаторы над Сигизмундом будут потешаться,
Тогда его король к себе приблизить не посмеет.

И Мнишек станет всем нападкам подвергаться,
Когда ему все кредиторы счёт предъявят,
Но так как он не сможет с ними рассчитаться,
То он его опять идти в Московию заставит.

И запорожцы встретиться с ним очень уж желают,
Дабы припомнить о делах ему лихих,
Ведь отмстить они ему отчаянно мечтают,
За гибель под Добрыничами казаков своих.

Но роль народного вождя его не привлекала,
Он стал «царём» себя в Путивле называть,
Но чтобы знать его приказы исполняла,
Решил свой «двор» с «Боярской думою» формировать.

Чин ближнего боярина Мосальский получил,
Ну а Сутупов дьяк, хранителем печати «царской» стал,
Князь Долгорукий чин окольничего заслужил,
Тогда Лжедмитрий многим думные чины давал.

Но самозванец с недоверием воспринимал восстания,
Не верил, что народ сумеет Годунова победить,
И к хану Крымскому и в Польшу отправлял послания,
Чтоб войну Борису вместе с ними объявить.

Тогда стал Сигизмунда самозванец досаждать,
Чтоб он под польскую корону земли Северские взял,
А чтоб сумел Лжедмитрий эти земли удержать,
Начать войну с Москвою ему он предлагал.

Для этого король сейм Польский открывает,
Но канцлер Ян Замойский авантюру эту осудил,
Он порвать мир с Москвою, глупостью считает.
И полную поддержку, он канцлера Сапеги получил.

Тогда сейм канцлеров активно поддержал,
И стал затею Мнишека и самозванца осуждать,
В итоге, сейм губительной её для Польши посчитал,
А князь Острожский потребовал виновных наказать.

Когда Лжедмитрию поляки отказали,
То в фазу новую, война гражданская вступила,
Везде от самозванца письма появляться стали,
И агитация, с «царевичем» тогда страну всю охватила.

Гонцы его, где только можно появлялись,
И письма от «царевича» везде распространяли,
Они везде народом страстно обсуждались,
Да население ужасно возмущали.

Но и в Москву старались письма засылать,
Когда гонцов – распространителей ловили,
На «пытном дворе», у них пытались всё узнать,
Ну а за тем, на площадях безжалостно казнили.

Ведь в письмах Годунова самозванец обвинял,
Что по его вине, трёхлетний голод прокатился,
И уверял, что трон он у «царевича Дмитрия» украл,
А «Дмитрий», чудом спасшийся, с возмездием явился.

К тому же в письмах он умел всех обольщать,
Он «Дмитрием царевичем» себя в них называет.
Клянётся веру православную в чести держать,
Да жаловать всех царским милосердьем обещает.

И вот когда Борис стал понимать,
Чем смерть царевича Дмитрия ему грозила,
То он себя пытался утешать,
Но мысль кошмарная, из головы его не выходила,

Что трон Лжедмитрий у него отнять старался,
А если имя Дмитрия ему, кто – либо называл,
То царь Борис от ужаса весь содрогался,
И неожиданно в протрацию впадал.

И сразу же прощение у Дмитрия просил,
И за него усердно начинал молиться,
Но Дмитрий кажется, ему за всё жестоко мстил,
А царь Борис не знал, как у него прощения добиться.

Когда в Московии Лжедмитрий появился,
То сразу же его чернь из низов активно поддержала,
Ну и Борис на чернь ужасно обозлился,
И вскоре жертвою она его безумства стала.

Тогда Семён Никитич Годунов,
За дело, будучи главою «Тайного совета» взялся,
И по его указу согладатаи ловили простаков,
Всех тех, кто рассуждать о Дмитрии пытался.

Их с семьями на месте забирали,
И всех, на «пыточный двор» под охраной отводили,
Там их с детьми и жёнами безжалостно пытали,
Ну а за тем в реке всех подо льдом топили,

В итоге, ненавидеть все царя Бориса стали,
Ведь злобу на невинных людях он свою срывал,
И от его жестокости, все до безумия устали,
В итоге он поддержку большинства народа потерял.

Тогда ж о царствии царя Ивана стали вспоминать,
И утверждали, что он с народом ни кода не воевал,
Но мог страну великую в руках своих держать.
Когда же он, в борьбе с боярами опричнину создал,

То лишь бояр изменников, да их сообщников казнил.
Царь не желал преступниками разбираться,
Ведь царь Иван доверие народа высоко ценил,
Ну с бандами, «разбойному приказу», наказал заняться.

Борис же более всего, простой народ боялся,
И черни никогда не доверял,
Да недовольство подавить жестокостью старался,
И день и ночь «двор пыточный двор», кого не будь пытал.

Ну а Лжедмитрий, как и царь, Иван народ хвалил,
Ведь только на него в борьбе за трон он опирался,
За службу верную его всегда благодарил,
И «добрым Дмитрием», он для народа оставался.

И чернь его за это обожала,
Идти была готова с ним на смертный бой.
Его на троне видеть «Дмитрием – царём» она мечтала,

И не боялась жертвовать собой.

Тогда Борис решил Лжедмитрия разоблачить,
Для этого монахов чудовских в Путивль трёх послал,
Чтоб Гришку удалось им в самозванце обличить,
И в грамоте своей Борис всем жителем Путивля, пояснял,

Что, ежели они вора убьют,
То царь им всё, по милости своей прощает,
Но если с ляхами они его в цепях сдадут,
То наградить их всех по царски пожелает.

Но по прибытии монахов захватили,
И начали из сразу же пытаться,
Они тогда о двух изменщиках «боярах» сообщили,
И за измену приказал их самозванец расстрелять.

И чтоб попытки царские с разоблачением прекратить,
Из Польши Леонида Лжеотрепьева прислали,
Тогда его «Отрепьевым» решили объявить,
И сразу все сомнения с «царевичем Димитрием» отпали.

Лжедмитрий всех монахов чудовских в живых оставил,
Они его прекрасно после пыток «понимали»,
Он написать письмо царю и патриарху их заставил,
Что в «Дмитрии», они расстригу Гришку не признали,

Ну и письме они все стали утверждать,
Что «Дмитрий есть наследник настоящий,
И против истины Борис пусть престанет бунтовать,
Иначе ждёт его за воровство суд предстоящий.

Подобной провокации Борис не ожидал,
Царя Лжедмитрий в замешательство привёл,
Тогда он ловко, за умы победу над Борисом одержал,
И умело впечатление на сознание многих произвёл.

Династия царя в истерике его осознавала,
Какая им смертельная опасность всем грозила,
И так, любым путём восстание подавить желала,
Что даже иностранцев удивила.

В то время, царь Борис рассудок свой терял,
И начал за семью болезненно переживать,
Он от себя, родного сына Фёдора не отпускал,
А бунт его здоровье стал всё забирать.

Царь на юродивых и прорицателей советы полагался,
Когда же над Москвой комета пролетала,

То из Ливонии с астрологом прибывшим он общался,
Тот убедил, что об опасности она его предупреждала.

Ну а своим придворным царь не доверял,
И с «чернокнижниками» всё пытался обсуждать,
Он даже в кознях всех бояр подозревал,
И по советам чародеев стал решенья принимать.

В тот день дела на думе как и обычно проходили,
С утра бояре, как положено, собрались,
Вопросы многие на заседании обсудили,
Когда же с новостями всеми разобрались.

Обедать время вскоре подошло,
Дебаты было решено, на думе все прекратить,
С царём всё окружение трапезничать пошло,
И начали боярский мёд, за здоровье царя Бориса пить.

Но дума после трапезы и дальше заседать решила,
Царь из стола поднялся в настроении прекрасном,
Но боль кошмарная Бориса неожиданно скрутила
Он сразу же почувствовал себя ужасно.

К нему бояре тут же подскочили,
Но до постели сам он кое – как добрался,
Они к нему священников и родственников пригласили,
И приняв схиму, Боголеп – монах скончался.

Часть II

Ну и когда покойного в Архангельском соборе схоронили,
То в думе все присягу его сыну Фёдору Борисовичу дали,
И вот когда они царевича государём стать убедили,
То вскоре Фёдора наследника, царём Всея Руси на трон венчали.

За тем бояр, дворян, посадских и служилых горожан,
В церквях владыки начали к присяге приводить,
Да принуждали «чёрный люд» и пашенных крестьян,
Царю присягу в записи отелной подтвердить.

И в города важнейшие указы о присяге отправляли,
В Великий Новгород, Смоленск, Псков, Муром и Рязань,
А также в Нижний Новгород, Тверь, Астрахань, Казань,
И чтобы они в Москву все книги с записями о присяге присылали.

А в Северской земле, где люд безумно бунтовал,
Народ не мог о новостях, что – либо из Москвы узнать,
Ведь их тогда «царевич Дмитрий» более всего всех волновал,
И вряд ли б новому царю, они все стали присягать.

Ну и трон венчаясь, царь амнистию опальным объявил,
Ведь все противники царя Бориса в ссылке оставались,
Ну и народ большими толпами к дворцу ходил,
И требовал, чтобы бояре знатные все в думу возвращались.

А также Дмитрия царевича, мать в схиме Марфу, возвратили,
И предлагали посадить её у городских ворот,
Чтобы о Дмитрие её желающие все спросили,
И мог узнать у ней самой, «жив сын её иль нет», народ.

Но мать царя Мария Годунова,
При мысли о Нагой Марии, в панику впадала,
Она её страшилась, как врага безумного, шального,
И в возвращении в Москву ей резко отказала.

А в остальном народу Годуновы уступили,
Они Богдану Бельскому вернуться разрешают,
Да Воротынского из дальнего изгнания возвратили,
И всем опальным жить в Москве не запрещают.

Меж тем лазутчики в столицу пробирались,
И «письма» их народ активно обсуждал,
Но Годуновы успокоить население не собирались,
И царь из армии Мстиславского и братьев Шуйских вскоре отозвал.

Ну и когда народ перед дворцом в Кремле собрался,
То на крыльце Красном, всем Василий Шуйский объявил:
«Что в смерти Дмитрия, он в Угличе, сам разбирался,
И лично сам покойного царевича в гроб положил.

Ну а Отрепьев, «вор путивльский», самозванец,
Монах бежавший, посланный нам в наказание,
Расстрига подлый и опаснейший мерзавец,
И он заплатит жизнью, за преступные деяния».

И речи Шуйского в умы внесли успокоение,
После чего волнения в столице прекратились,
В народе стало утихать брожение,
И многие в «прелестных письмах» самозванца усомнились.

Тогда командующих армией под Кромами решили заменить,
Но так как не решались Годуновы армию возглавить,
То князю Катырёв – Ростовскому пришлось командование поручить,
Ну и помощники ему, Петра Басманова отправить,

Басманову особая роль отводилась,
Когда он в Новгороде – Северском мятеж раскрыл,
То авантюра заговорщиков вся разом провалилась,
Ведь он тогда мятеж рукой железною своею, сразу подавил.

Но соглядатаи из армии дурные вести доносили,
И всех бояр тогда донос о «шалостях» в волнение привёл,
Тогда Басманова бояре в думе убедили,
Чтоб он порядок в армии как следует, навёл.

Ну а когда командующие в армию прибыли,
То Катырёв с Басмановым полки к присяге стали приводить,
Но ратники не все, на крестоцелование приходили,
Ведь не могли они за всеми в сутолоке отследить.

За тем Басманов начал обстановку изучать,
Он разобраться в суеде немыслимой желал,
Да всё происходящее пытался у Голицыных узнать,
И вот что он от братьев своих сводных услышал.

Как только царь Борис скончался,
И главные его советники в Москву вернулись,
То Фёдор царь, без помощи надёжной оказался,
Тогда его сторонники от Годуновых отвернулись.

Но ведь и мы с тобой в немилости у Годуновых были,
И вот теперь царь Фёдор, заманить себе помощников желает,
Но родственники царские всю Думу наводнили,
И Годунов Семён надёжно ведомство сыскное возглавляет.

Вот и тебя, они высокой должностью решили заманить,
Ну а когда победу сможешь ты над самозванцем одержать,
Тебя тогда они сумеют ловко отстранить,
И всю твою победу Годуновым приписать.

А вскоре в армию Семён Никитич Годунов прибыл,
И чтобы власть свою над всеми обозначить,
Он главным воеводою в сторожевом полку решил,
Родного зятя, князя Телятевского назначить.

Тогда Басманов стал в истерике рыдать,
И утверждал, что он не хочет больше жить,
И уверял, что он готов скорее смерть принять,
Чем от царя позор подобный получить.

И сразу в правоте родни своей Басманов убедился,
Теперь он всё коварство Годуновых сознаёт,
Тогда, на Фёдора он жутко обозлился,
За то что, Телятевскому его, Семён в холопы отдаёт.

Конечно, всю истерику тогда Басманов разыграл,
Он жертвою себя представить постарался,
Ну и когда о заговоре, он от родни своей Голицыных узнал,
То сразу вместе с ними, основательно за это дело взялся.

Ведь, с царством Бориса знать родовая не смирилась,
Она себя униженной считала,
Ну когда всю думу Годуновы наводнить роднёй своею умудрилась,
То знать, им отомстить за это всё любым путём желала.

И вот теперь такой момент удобный наступает.
Когда Лжедмитрий «цесаревичем» себя назвал,
Он возратить себе трон, как «наследник истинный», желает,
Который у него Борис, как будто бы украл.

Когда же через Лыкова Голицын с «цесаревичем» связался,
То сразу между князем и Лжедмитрием переговоры тайные пошли,
Но переговоры между ними так велись, что никто о них догадался,
И вот к какому соглашению переговоры князя с самозванцем привели.

Что нерушимой вера православная должна остаться,
Царь будет властью как Иван Четвёртый обладать,
Ну и боярами не могут иностранцы назначаться,
Но царь на службу сможет иностранцев приглашать.

А вскоре казаки Корелы самозванцу новость передали,
Что царь Борис в Москве скончался,
И Катырёв с Басмановым, в полках всем воеводам сообщали,

Что Фёдор сын его, царём Всея Руси венчался.

И сразу в войске царском жуткое смятение началось,
Дворяне северней Москвы решили царя Фёдора признать,
Ну а южное дворянство, настроить против Годуновых удалось,
И все они желали, сторону Лжедмитрия принять.

И сразу начали, приказы царские все осуждать,
Зачем, под Кромы царь пятидесяти тысячную армию послал,
Достаточно здесь было небольшой отряд держать,
Ведь царь из армии на отдых никого не отпускал.

Тогда же многие дворяне сами лагерь покидали,
И вскоре ополчение дворянское, как снег весенний таять стало,
И сразу ратники в сермягах царский лагерь заполняли,
Им роль особую сыграть всем вскоре надлежало.

Когда всю ситуацию сложившуюся заговорщики понять смогли,
То начали Голицыны и Ляпунов с Басмановым мятеж готовить,
На бунт дворян Алексина, Каширы, Тулы и Рязани привлекли,
А также ратников сумели против Фёдора – царя настроить.

Тогда Корела самозванцу сообщил,
Что в стане царском заговор бунтовщики готовят,
На что приказ о выступлении атаман Корела получил,
Когда его об этом заговорщики попросят.

И хоть всё это авантюрой жуткой отдавало,
Лжедмитрий приказал своим войскам бунт поддержать,
И чтобы в мятеже восставшим его войско помощь оказало,
Он для мятежников решил остатки армии собрать.

У самозванца ратников не более двух тысяч наберётся,
Ну и наёмных ляхов менее трёхсот,
И казаков донских порядка восемьсот,
Да мужиков не больше тысячи из черни соберётся.

Тогда Запорский самозванцу предлагает,
Письмо с фальшивкой в Кромы отослать,
И самозванец трёх лазутчиков к Кореле отправляет,
Как будто, для него, письмо с фальшивкой передать.

С расчётом явным, чтоб их письмо перехватили,
И к руководству в царском лагере оно попало,
Ну и когда б, они фальшивку эту получили,
То всё командование его бы перечитало.

Ну а в письме Лжедмитрий атаману «сообщает»,
Что он под Кромы сорок тысяч войск ведёт,

Да триста пушек армию его сопровождает,
И он с такими силами, в пух сразу царские войска все разобьёт.

И заговорщики решительно все разом возбудились,
Они, наказом к действию, всё это восприняли,
И тайно, о восстании с Корелою договорились,
А утром казаки сигнал им к мятежу из Кром подали.

И чтобы суматоху в стане жуткую создать,
Заранее мятежники постройки подожгли,
А чтобы больше паники в полках нагнать,
Шум сразу несусветный в армии произвели.

Никто тогда не мог ничто уразуметь,
Одни в толпе, за «Фёдора царя» кричали,
Другие же за «Дмитрия царевича» желали умереть,
А многие на лошадях, из лагеря подальше ускакали.

Все ратники не понимали, что случилось,
И суматохе жуткой разобраться многие пытались,
Никто не знал, как это получилось,
И все подобно пыли, ветром вздыбленным, метались.

Ведь Ляпунов мост через речку захватить умело постарался,
Чтоб с войском, вышедшим из Кром соединиться,
Ну и когда отряд казачий через речку Кромы перебрався,
И с заговорщиками они смели все объединиться.

То в лагерь царских войск Корела смог ворваться,
И начал царские войска из лагеря плетьюми все прогонять,
А вот когда из лагеря все стали разбегаться,
То атаман казакам приказал, оружие не применять.

Ну и когда деморализованные ратники свой лагерь покидали,
То им казаки всем кричали: «Не смейте против нас на бой ходить,
Иначе мы не будем вас щадить»,
И всех плетьюми секли, но никого не убивали.

Напрасно Телятевский ратников воодушевить против мятежников старался,
Ни кто бунтовщикам оказать сопротивление не стремился,
Князь до последнего момента возле пушек оставался,
Но в бой ввести орудия, не решился.

Одни наёмники немецкие порядок сохраняли,
Тогда Басманов капитану Розену шишак послал,
Предупредив, чтобы наёмники его указы исполняли,
И требовал, его чтоб полк, «царевичу» присягу дал.

И хоть восставших в шесть раз меньше было,

Соппротивление не смог им Телятевский оказать,
А вот когда казачество атакою своею всех ошеломило,
Командующие не сумели лагерь удержать.

В итоге обе стороны оружия не применили,
Переворот бескровным оказался,
Когда же заговорщики казну и пушки захватили,
То Фёдор царь, без армии остался.

Но князь Голицын кланяться Лжедмитрию не торопился,
Теперь он армией из нескольких полков располагал,
Но самозванец к «тому войску» с недоверием относился,
И лагерь свой не ближе мили от их армии держал.

Тогда стал в армии Голицына о «Дмитрии», слух кто-то распускать,
Что это «вор, умело разум нам затмивший»
И ратники Голицыну открыто стали заявлять,
Что он «не истинный, а злой дух, землю всю смутивший».

Тогда в нелепую историю Басманов и Голицыны попали,
И убеждали до конца их подождать,
Да разобраться в этом деле вскоре обещали,
Ну а пока всем предлагали помолчать.

Тогда при помощи Василия Голицына проблему разрешили,
Он стольников, дворян и чинов всяких собирает,
Им ситуацию подробно разъяснили,
И всех с Голицыным Иваном к самозванцу отправляет.

И стал Иван Голицын самозванцу объяснять,
Что если царь Борис «царевича» Отрепьевым назвал,
То почему, тогда не стал в присяге Фёдор, Гришку называть?
Всё потому, что ты «царевич истинный», отлично это Фёдор знал.

А так как Фёдор, Гришкою «царевича» не называет,
Выходит, что ты сын царя Ивана «настоящий»,
Поэтому тебе, всё руководствов лагере желает,
Вернуть Московский трон, тебе принадлежащий.

И в лагерь князя Лыкова Лжедмитрий приказал послать,
Чтоб он к присяге все войска его привёл,
А половину ратников отправил отдыхать,
Ну а с остальными князь Голицын в сторону Москвы пошел.

Когда, Орёл и Тулу самозванец взял,
То воеводы многие ему на верность присягали,
И стал судить тех воевод, кто в нём «царевича» не признавал,
Их по темницам разослал.

В Орле, сумел Лжедмитрий москвичей принять,
Все делегаты самозванцу заявили,
Что «прирождённого царевича» готова вся Москва признать,
И своего посланца, к москвичам направить предложили.

Тогда решил Лжедмитрий двух гонцов в Москву отправить,
На это дворянин Гаврила Пушкин согласился,
А чтоб сумел он грамоту для москвичей доставить,
Наум Плещеев вместе с ним отправиться решился.

И в грамоте своей Лжедмитрий написал,
Что города низовые в провинции сопротивление прекратили,
Да москвичей к покорности всех призывал,
И убеждал, чтобы они ему челом на верность били,

И самозванец приказал своим войскам в Москву войти,
Но царские стрельцы все переправы на Оке заняли,
И не позволили войска Лжедмитрию через Оку перевести,
Да бой под Серпуховом им жестокий дали.

Но атаман Корела со своими казаками,
Всю ситуацию мгновенно оценил,
И не желая встречи с царскими войсками,
Оку подальше, незаметно переплыл.

И в селе Красном, к северо-востоку от Москвы, остановился,
Да смог дорогу Ярославскую в столицу захватить,
И чтоб народ голодный против власти царской возмутился,
Решил в Москву доставку хлеба и продуктов перекрыть.

Тогда же к красносельцам Пушкин и Плещеев обратились,
И всем послание самозванца прочитали,
Чтоб красносельцы все к нему «с повинною» явились,
За то что, всех они гонцов «царевича» пытали.

Но если «Дмитрию» начнёте вы сопротивляться,
То он не будет вас щадить,
А станет беспощадно с вами разбираться,
И угрожал их всех с детьми, включая в чреве матери немедля истребить.

Но если вы помочь «царевичу» решите,
То он сумеет вам свою оценку дать,
И свою верность, вы ему делами подтвердите,
То всех простит и будет рад, на службу к себе взять.

Так что желательно вам очень постараться,
И славно «Дмитрию» всем красносельцам послужить,
Чтоб «государь» мог вами восхищаться,
И вы смогли бы все его доверье заслужить.

Тогда в Москве о бунте в селе Красном неожиданно узнали,
И срочно ратников туда отправить постарались,
Когда же ратники Корелу с казаками увидали,
То сразу же от них скорей Москву ретировались.

И сразу в панике бояре стали город укреплять,
Весь день по городу орудия возили,
А чтоб не смог Корела, Китай – город штурмом взять,
На башнях много пушек разместили.

Но штурмовать столицу атаман не собирался,
Ведь красносельцы провели Плещеева и Пушкина в столицу,
Да с казаками в город атаман Корела в толчее пробрался,
И все они в толпе сумели раствориться.

Наутро, москвичи на Красной площади собрались,
Желая, новости последние о «Дмитрии» узнать,
Тогда на место Лобное, Плещеев с Пушкиным поднялись,
И стали москвичам послание Лжедмитрия читать.

В послании он к Мстиславскому и Шуйским обратился,
И всем боярам, дьякам и дворянам письменно адресовался,
Гостям же и купцам, особое внимание уделить стремился,
И даже «всякий чёрный люд» упомянуть в послании своём старался.

Ну а Бориса с сыном Федькою и Маринкою изменою клеймил,
И заявлял, что никого, на земле нашей Годуновы не жалели,
И так в своём послании он это всё народу объяснил,
Всё потому что, не своим, а всем чужим они владели.

А как Борис бояр, дворян и дьяков притеснял,
И как они смогли все муки жуткие и ссылку пережить,
Да все обиды Годуновым причинённые в его послании перечислял,
И заставлял всех не за совесть, а за страх ему служить.

Ну а купцы, каким поборам жутким подвергались,
Когда купец не мог «треть животов» за пошлину отдать,
Его товары полностью в казну все забирались,
Ион не мог в ответ, что – либо доказать.

А далее всем самозванец обещает,
Боярам вотчины за ними сохранить,
Дворян за «царской милостью» к себе на службу приглашает,
Ну и торговым людям, подати в поборах облегчить.

А непокорным карой Божьей самозванец пригрозил,
Но не дано «от руки царской, нашей им нигде спастись»,
А все, кто у него доверие заслужил,

Сумеют вотчиной своей по «царской милости» обзавестись.

Ну а бояр громивших Северщину, «царевич» сразу оправдал,
Сославшись, на приказы данные им Годуновым,
И обвинять бояр в разгроме, армии его в Добрыничах не стал,
Ведь царь Борис их казнью принуждал, всех к действиям невольным.

Ну а конце послания Лжедмитрий заявляет,
Что он «кровопролития» не хотел,
А только трон наследный получить желает,
И о войне жестокой и ужасной сожалел,

А далее, все из послания его узнали,
Чтобы войну братоубийственную прекратить,
Стал требовать, чтобы его царём признали,
И станет, весь народ его за всё благодарить.

Ну и как только вести о гонце по городу распространились,
То прибывать на площадь Красную толпа активно стала,
Ну а когда на думу все бояре к царю Фёдору явились,
То сразу же бояр царица мать, к толпе послала,

И чтобы агитацию посланцев, самозванца прекратить,
Бояре Пушкина с Плещеевым в Кремль пригласить решили,
Но Бельский с Шуйским и Мстиславским не смогли их заманить,
Ведь москвичи от царских ратников, посланцев защитили.

Тогда бояре начали собравшихся всех убеждать,
Чтоб по домам они все с миром разошлись,
И Афанасий Власьев дьяк им начал всем мораль читать,
Пытаясь, как – нибудь, волнения народа прекратить.

Но красноречием большим бояре не страдали,
И разом языки свои в испуге проглотили,
Ведь чего ждать от разбушевавшейся толпы они не знали,
И с площади уйти скорее поспешили.

Ну и когда на Лобном месте Пушкин речь свою читал,
Корела со своими казаками,
Совместно с взбунтовавшимися москвичами,
Из тюрем заключённых всех освобождал.

И «воровских» гонцов от кандалов освобождённых,
На площадь Красную казаки привели,
И увидав от пыток их до крайности изнеможённых,
Они ужасный шок на всех собравшихся произвели.

И сразу начали они всех Годуновых в тирании обличать,
Ну и во всех грехах, их всевозможных обвиняли,

Да как исчадье ада, с ужасом их стали проклинять,
И жертвы разные в их царствии все сразу вспоминали.

И площадь Красная вдруг неожиданно вскипела,
Да весь народ как порох от искры подброшенной взорвался,
Толпа с ужасным рёвом сразу загудела,
И «миром всем» бунт на царя Фёдора лавиною сорвался.

Толпа на обе части разделилась,
Одни отправились у Годуновых яростно дворы громить,
Другие в Кремль с ужасным криком жутким устремились,
Желая Годуновым в дикой злобе отомстить

Тогда все стражники в испуге разбежались,
И весь дворец безлюдным оказался,
Напрасно во дворце мятежники кого – небудь, найти пытались,
Ведь даже трон, к их удивлению пустым остался.

И царю Фёдору пришлось немедленно из думы удалиться,
Но мать царя Мария, с Ксенией царицей спрятаться сумели,
Да где то во дворце в убежище им удалось укрыться,
Ну а мятежники, их не найдя, в растерянности ошалели.

Когда ж мятежники дворец разграбили и разгромили,
То до винных царских погребов добрались,
И сразу же о Годуновых напрочь позабыли,
Когда до бочек с зельем с радостью дорвались.

То начали за «Дмитрия царевича» с усердием пить,
И до того за здравие его повеселились,
Что не смогли себя остановить,
В итоге больше полусотни до смерти, упились.

Тогда ж дворы бояр, дворян и дьяков грабить стали,
Боярам Годуновым более всего от них досталось,
И на дома дворян Сабуровых и Вельяминовых напали,
Ну и дворы богатые в безумстве разорить старалась.

И стали на зажиточных прохожих нападать,
Да своего злорадства не скрывали,
Когда они одежду верхнюю с них начали срывать,
И тут же всё награбленное пропивали.

Правительство же бунт не подавляло,
И постепенно всё к полудню утряслось,
Тогда вся голь и нищета торжествовала,
И к вечеру восстание в столице улеглось.

В итоге царя Фёдора Борисовича низложили,

Переворот, как и мятеж под Кромами, бескровным оказался,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.